

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ПУЛЬС ЗА СТО

Олег Солод

Любимый детектив

Олег Солод

Пульс за сто

«ВЕЧЕ»

2019

Солод О. В.

Пульс за сто / О. В. Солод — «ВЕЧЕ», 2019 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-8082-9

Страх, любопытство и азарт не знают границ. В любой стране мира может случиться то, что заставит сердце человека биться в бешеном ритме. Такова общая идея детективных рассказов, которые пишут два человека, изолированные от внешнего мира, чтобы доказать свое право на жизнь. Если ни один из рассказов не будет опубликован, их лишат этого права. Они не могут ни на что повлиять. Они могут только писать, ждать и надеяться...

ISBN 978-5-4484-8082-9

© Солод О. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	32
Глава восьмая	38
Глава девятая	42
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	54
Глава двенадцатая	60
Глава тринадцатая	67
Глава четырнадцатая	69
Глава пятнадцатая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Олег Солод Пuls за сто

*Серия «Любимый детектив» была удостоена
Премии МВД РФ в 2018 году.*

© Солод О.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

23 мая

12.20

– Вы хотите сказать, что вы меня... убьете?

Лицо Геннадия Ивановича Карпова приобрело странное выражение. Видимо, потому, что одна его половина выражала недоверие, а вторая – страх.

– Я? Что вы! Конечно нет, – ответил Орлов.

Геннадий Иванович заметно перевел дух. Как выяснилось – преждевременно.

– Для этого есть специально обученные люди, – будничным тоном закончил Орлов. – Каждый должен заниматься только тем, что умеет делать по-настоящему. Вы со мной согласны?

Карпов не смог ответить. Мышцы его лица, только что выражавшие недоверие, присоединились к тем, которые отвечали за страх. Геннадий Иванович смотрел на Орлова так, будто видел его впервые. И немудрено. Еще неделю назад он знать не знал этого человека. Сейчас Карпов многое отдал бы за то, чтобы не знать его вовсе. Но такую возможность он упустил...

Часть первая

Глава первая

16 мая

11.00

Геннадий Иванович не любил начинать день с раннего утра. Слава богу, должность редактора литературного журнала позволяла этого не делать. На работе Карпов обычно появлялся в двенадцать. А если бы даже и позволил себе опоздать минут на тридцать-сорок, вряд ли кто-нибудь стал бы его за это корить. Но опаздывать Геннадий Иванович тоже не любил. Его давно лишенная сюрпризов и внезапных событий жизнь текла предсказуемо и размеренно, как вода по пробитому руслу. Двадцать лет назад родители Карпова погибли в автомобильной катастрофе, оставив немудреное наследство в виде стандартной «двушки» в панельном советском доме и крошечного дачного участка. С тех пор он сменил одну газету на другую, потом газету на журнал. Больше не случилось ничего примечательного. Все тот же дом. Все то же одиночество. Впрочем, ничто из перечисленного Геннадия Ивановича не тяготило. К земным благам, за исключением книг, он был довольно равнодушен. Зарплата и разовые гонорары вполне позволяли Карпову раз в месяц посещать хороший театр, посидеть в кафе со знакомыми. Тем более, женщины – основной источник мужских расходов – не проявляли к нему большого интереса. Был ли Карпов счастлив? Таких вопросов Геннадий Иванович себе не никогда не задавал, что говорило, как минимум, о душевном спокойствии.

Надев купленный во времена позднего Ельцина, но все еще вполне добротный костюм, Карпов прихватил со стола портфель той же эпохи и вышел в прихожую. Перед тем как покинуть квартиру, он как всегда посмотрелся в зеркало. В нем обнаружился хорошо выбритый ничем не примечательный брюнет в возрасте под пятьдесят. Карпов пригладил волосы – неприятность всегда соседствовала в нем с аккуратностью – и вышел за дверь.

12.10

На работу Геннадий Иванович пришел не в лучшем настроении. Виной тому была девушка, усевшаяся прямо напротив него в метро. Девушка, что тут скажешь, была хороша. Настолько, что Карпов довольно бесцеремонно на нее уставился. Он не строил никаких иллюзий. Заинтересовать своей персоной такое создание? О чем тут говорить? Но, черт возьми, она могла хотя бы возмутиться, что на нее беспардонно пялится посторонний мужчина! Так нет же, просто ноль внимания! Похоже, он в ее глазах вообще не мужчина.

В редакцию Геннадий Иванович вошел уже остывшим, но неприятный эпизод никак не выходил из головы. Карпов успокаивал себя тем, что случайная спутница по любому не из его лиги. И поговорить с ней наверняка не о чем, и вести такую девушку некуда и не на что. То есть почему? Есть на что. Правда, не такую.

«А когда тобой интересовались другие? – ехидно спросил внутренний голос, когда Геннадий Иванович выкладывал из портфеля принесенные из дома рукописи. – Вот хотя бы Леночка? Когда она в последний раз подходила к тебе просто так, не по делу?»

Леночкой звали редакционную секретаршу, и Карпов действительно не помнил, когда она в последний раз подходила к нему поболтать. Если вообще подходила. В сердцах он раздраженно дернул из портфеля очередную папку. Вложенные в нее бумаги хлынули на пол. Чертыхнувшись, Карпов полез за ними и принялся собирать, как вдруг услышал голос Леночки:

– Геннадий Иванович? Вы сейчас свободны?

Карпов приподнял голову. Секретарша стояла перед его столом.

«Свободен. Ты, безусловно, свободен», – подсказал внутренний голос.

Но разговор, увы, оказался деловым.

– К вам пришли.

Лена шагнула в сторону. За ее спиной обнаружился блондин сорока с небольшим лет, похожий на артиста Олега Янковского. Его неброский деловой костюм явно стоил немалых денег. Впрочем, Карпов мало понимал в этом. В отличие от Леночки, которая уж точно не упустила ничего.

– Здравствуйте, я к вам, – сказал гость. – Разрешите присесть?

– Пожалуйста.

Геннадий Иванович освободил стул, с вечера заваленный рукописями, поскольку на столе они уже не умещались – редакция журнала «Путеводная звезда» ютилась в двух крохотных комнатюшках. Леночка вернулась на свое место походкой, явно рассчитанной на мужское внимание. Геннадий Иванович не сомневался – его внимание тут не в счет. Он вновь ощутил прилив раздражительности и сухо спросил:

– Чем обязан?

Гость присел на скрипнувший стул и представился:

– Олег Валентинович Орлов. Я представляю интересы Михаила Петровича Сергеева.

Собеседник выдержал паузу, после чего кивнул.

– Как я и думал, вам ничего не говорит это имя. Понимаю. Михаил Петрович не любит публичности. Но он весьма обеспеченный человек.

– И?

– Господин Сергеев задумал написать книгу и хочет, чтобы ему немного помогли.

– Другими словами, ему нужен литературный «негр». – Карпов решил сразу расставить точки над і.

Гость чуть заметно поморщился.

– Я бы не стал пользоваться подобной терминологией. Скажем так, Михаил Петрович предпочитает, чтобы за его первыми шагами присматривал профессионал.

«А что? Может, взять халтурку?» – подумал Геннадий Иванович.

Финансовых проблем он сейчас не испытывал, но... Эта утренняя встреча в метро...

– В каком жанре пишет господин Сергеев?

– В нескучном. Детектив... Возможно, триллер.

– Триллер? – Карпов покачал головой. – Простите, в этом случае вряд ли смогу помочь. Я не любитель подобной... литературы.

Последнее слово он добавил, чтобы не обижать гостя. В глубине души Геннадий Иванович вообще не считал массовое чтение литературой.

– Кстати, почему вы обратились ко мне? Я не писатель. Скорее, литератор, точнее, литературовед. Беллетристика – уж точно не мой профиль.

– Михаил Петрович следит за вашим творчеством и оценивает его весьма высоко. Кстати, та работа, которую он вам предлагает, тоже будет оценена по высшему разряду.

Если это была лесть, цели она достигла. Конечно, Карпов всегда лелеял надежду на то, что его статьи не остаются без внимания. Но еще никто не называл то, чем он занимался, творчеством. Геннадий Иванович растерялся.

«Возможно, там достаточно лишь выправить стиль и проверить грамотность...»

Гость прервал его размышления короткой фразой:

– Ваш гонорар составит пятьдесят тысяч долларов.

Карпов недоверчиво посмотрел на собеседника.

– Пятьдесят тысяч?

– Да. И он может быть пересмотрен, если результат... превзойдет ожидания. Мы щедро воздаем по заслугам тем, кто этого заслуживает.

Взгляд Орлова был острым и пристальным. Это не очень соответствовало потоку посулов и дифирамбов. Геннадий Иванович не сомневался – его сейчас тщательно изучают. Изучают, чтобы – что? Убедиться в правильности выбора? Тому ли они отдают такие деньги? Пятьдесят тысяч долларов! Три миллиона рублей. В «Звезде» столько не заработать за восемь лет.

– А... сроки? – спросил Карпов, невольно оглядывая заваленный рукописями стол.

– Михаил Петрович полагает, что работа займет около трех месяцев. И у него есть определенные условия.

– Условия? Какие условия?

– Все это время вы будете жить в его загородном доме.

– Как это?

– Когда господин Сергеев реализует серьезный проект, он погружается в него целиком. Ничто не должно отвлекать от решения главной задачи. Того же он требует от остальных. Вам предоставят коттедж, полностью приспособленный для работы. Ваши бытовые проблемы также будут решены. Условие – до выполнения всех условий по договору вы ни на что не должны отвлекаться.

– Но... это невозможно, – растерялся Карпов.

– Почему? Насколько нам известно, семьи у вас нет. В редакции можно взять отпуск за свой счет – сумма гонорара с лихвой компенсирует потери. А в сентябре вернетесь к привычным делам, существенно увеличив уровень своего благосостояния.

Шеренга нулей настолько застила глаза Геннадию Ивановичу, что он пропустил мимо ушей странное знакомство гостя с личными деталями его биографии.

Карпов в очередной раз посмотрел на стопку рукописей, которую предстояло прочесть. Сколько времени это займет? Три недели? Месяц? А в результате, девять из десяти гарантированно окажутся в мусорном ведре. Если не все десять.

«И кому это нужно?» – подумал он.

Но если пойти сейчас к главному и попросить отпуск до сентября за свой счет... Можно представить, что тот ответит.

– Меня не отпустят, – с сожалением произнес Карпов.

– Очень жаль. – Против ожиданий, гость не стал продолжать уговоры. – Кстати, Геннадий Иванович, убедительно прошу при любом исходе оставить предмет нашей беседы в тайне. Михаил Петрович не любит, когда о его личных планах становится известно посторонним людям. В таких случаях он бывает непредсказуем.

– Непредсказуем? Что вы имеете в виду?

– Нет нужды говорить об этом. У нас нет сомнений в вашей порядочности. А если вы все же найдете возможность принять наше предложение, – Орлов вновь перешел на предупредительно-любезный тон, – ждем вас 23 мая в 12 часов по этому адресу...

Он положил на стол перед Карповым визитную карточку.

– К этому сроку вам надо полностью урегулировать все дела. И, чтобы вы не думали, будто это – чей-то розыгрыш, вот – возьмите...

Рядом с визиткой на столе появился пухлый конверт.

– Что это? – спросил Геннадий Иванович.

– Аванс. Десять процентов.

– Но ведь я пока не принял ваше предложение. Что, если...

– Просто вернете деньги назад.

Орлов встал, предусмотрительно придерживая рукой хлипкий стул, но тот все равно попрощался с ним резким звуком. Пожимая руку гостю, Карпов вновь ощутил его цепкий взгляд.

Деньги, конечно, следовало вернуть прямо сейчас. Какой смысл потом ради этого специально куда-то тащиться? Но Геннадий Иванович промолчал.

Когда Орлов скрылся из вида, он прикрыл конверт первой попавшейся папкой и смахнул его в ящик стола. Похоже, никто из сослуживцев этого не заметил.

Надпись на оставленной визитке была весьма лаконичной:

«Орлов Олег Валентинович. Консультации и инвестиции. Жуковка, ЖК «Оазис», строение 10».

На обороте обнаружилась подробная схема проезда к указанному строению.

Карпов придвинул к себе клавиатуру и вбил имя заказчика в гугл. Орловых, как и следовало ожидать, нашлось несть числа. Олегов Валентиновичей – немногим меньше. Сергеевы дали тот же результат.

Геннадий Иванович почувствовал на себе чей-то взгляд и быстро поднял глаза, решив, что посетитель вернулся. Но, судя по тому, как пристально изучала бумаги Лена, дело было в ней. По-видимому, несомненная статусность гостя косвенно повысила акции Карпова.

«Может, взять ее с собой в качестве помощницы? – мелькнула шальная мысль. – Стоп! – одернул себя Геннадий Иванович. – Взять – куда? Я еще ничего не решил».

Он придвинул к себе первую попавшуюся рукопись и сделал вид, что погрузился в работу. Но в действительности думать сейчас мог только об одном: неужели в том конверте под столешницей действительно лежат пять тысяч долларов?

Глава вторая

23 мая

12.00

Строение 10 было ограждено высоким глухим забором, но не успел Карпов дотронуться до звонка, как ворота поехали в сторону. За ними обнаружилась блондинка в темно-бордовом брючном костюме с прекрасной фигурой, напомнившая Геннадию Ивановичу Кристанну Локен¹. Ее волосы точно так же были стянуты в пучок на затылке. На первый взгляд женщине было в районе тридцати, но такие ухоженные дамы всегда выглядят моложе.

– Здравствуйте. Меня зовут Кристина. Мы рады вас видеть. Проходите в дом.

«Надо же, и имя созвучное». – Карпов понял, что ему представляться не надо. По-видимому, здесь нисколько не сомневались в том, какое решение он примет. Это слегка покорило Геннадия Ивановича. В конце концов, он ведь мог и отказаться. Разве нет?

Посреди уютного двора с безукоризненно подстриженной лужайкой стоял каменный особняк. Он выглядел так, как и представлял себе Карпов жилище современного российского олигарха: красный кирпич, финская кровля, башенки, флюгеры и все остальное.

– Если что-то в обустройстве быта вас не устроит, – сказала Кристина, открывая массивную входную дверь, – достаточно только сказать.

Они вошли в просторный холл.

– Ваш рабочий кабинет – там. – Спутница показала на дверь в стене справа. – А сейчас прошу немного подождать. – Она направилась в широкий арочный проем и вскоре скрылась во внутренних помещениях.

Карпов огляделся. Холл более соответствовал охотничьему домику, чем каменному замку. Плазменная панель на стене находилась в очевидном диссонансе с обстановкой. В остальном же... Деревянная мебель, плетеное кресло у камина, винтовая лестница, ведущая на второй этаж, два кресла рядом с журнальным столиком. Столик Геннадия Ивановича заинтересовал. Он подошел поближе. Так и есть. Поверх остальных газет и журналов лежал свежий номер «Путеводной звезды».

Карпов оценил не только предупредительность хозяев, но и их возможности. В редакцию этот номер из типографии еще не поступил. С удовлетворением обнаружив на 32-й странице свою статью о творчестве Блока, Геннадий Иванович положил журнал на столик и, поддавшись любопытству, направился к двери будущего кабинета.

Целую стену довольно солидной комнаты занимала библиотека. И очень неплохая. Карпов оглядел полки с нескрываемым восхищением. Немалое место на них занимали справочники и энциклопедии. У окна стоял письменный стол с компьютером. Рядом – удобный диван, на котором наверняка приятно отдохнуть в перерывах между работой.

«Ничего не скажешь, – подумал Геннадий Иванович, – размах».

На столе рядом с компьютером примостилась рамка с фотографией неизвестного пожилого мужчины. Карпов взял ее в руки. Мужчина на снимке так жизнерадостно улыбался, что губы Геннадия Ивановича поневоле дрогнули в уголках.

– Это и есть Михаил Петрович Сергеев.

Голос за спиной раздался так внезапно, что Карпов чуть не выронил фотографию.

В дверном проеме кабинета стоял Орлов. Бесшумность его появления могли объяснить две причины: идеально подогнанный паркет и мягкая кожа домашней обуви. Сегодня Олег Валентинович был одет не так официально, как в прошлый раз, но столь же безукоризненно.

¹ Американская актриса и модель, сыгравшая роль женщины-киборга в блокбастере «Терминатор-3: Восстание машин» (здесь и далее – *примеч. авт.*).

Небесно-голубую рубашку и белые брюки секретарша Лена, окажись она рядом, оценила бы по достоинству.

– Простите, я вас напугал, – извинился Орлов. – Поскольку ваша работа непосредственно связана с Михаилом Петровичем, я решил, что фотография будет кстати.

Карпов не очень понял смысл фразы – ведь этого человека ему, по всей вероятности, предстоит видеть каждый день живьем. Зачем же еще и фото? Но задать вопрос не успел.

– Давайте вернемся в холл, – предложил Орлов.

Геннадий Иванович полагал, что, расположившись у журнального столика, они сразу перейдут к делу, но вместо этого представитель заказчика бесцеремонно смотрел на него в упор, будто хотел запомнить лицо собеседника во всех деталях.

Карпов заерзал в кресле.

– Мы ждем Михаила Петровича?

– Да-да, – словно бы спохватился Орлов. – Пора перейти к главному. С Михаилом Петровичем вам встретиться не удастся. Все дела будете вести со мной.

– Как это? – не понял Карпов. – Нам же с ним вместе работать над рукописью.

– У вас была такая возможность. Но вы ее упустили.

Геннадий Иванович приподнял брови.

– Что значит – упустил? Я отлично помню, когда мне сказано было прибыть: двадцать третьего мая в двенадцать часов. Сегодня двадцать третье. И на часах половина первого. Если бы за это время договорились с кем-то другим, следовало по крайней мере...

– Помолчите, Карпов, – резко оборвал его Орлов. – Лучше послушайте.

Сердце Геннадия Ивановича забилося чаще. Он понял, что попал в какой-то переплет. Только пока неясно в какой.

– Я немного расскажу вам о Михаиле Петровиче. Вопреки вашим ожиданиям, он никогда не был ни богачом, ни какой-либо иной значимой персоной. Просто человеком, честно выполнявшим свой долг перед близкими и обществом. Когда-то у него была мечта – стать писателем. Но это занятие не казалось Михаилу Петровичу серьезным, да и времени на него не оставалось. А любое дело нужно делать хорошо или не делать вовсе. И вот однажды Михаил Петрович понял: нельзя откладывать мечту бесконечно. Иначе она навсегда останется мечтой. Тогда он написал рассказ. Свой первый рассказ, который впоследствии мог стать частью большой книги. А потом отправил его в редакцию. Редакцию журнала...

– «Путеводная звезда», – закончил за Орлова Карпов.

– Совершенно верно.

– Дальше можете не продолжать. Рукопись попала ко мне, я ее «завернул», автор, конечно, возмущен. Только не понимаю, зачем понадобилось тащить меня сюда, чтобы высказать это, выдумывать историю про мифический гонорар...

Геннадий Иванович остановился. Если гонорар действительно мифический, откуда взялся уже частично потраченный им аванс? Похоже, он понадобился лишь для того, чтобы надежно заманить его в это место. Теперь деньги потребуют вернуть. Придется влезать в долги...

«Но зачем я им здесь нужен?»

– Послушайте, – продолжил Карпов, – вы ведь умный человек – это видно. Неужели не допускаете, что рассказ действительно плох? Ведь это первая проба пера, как я понял. Помилуйте, ни один даже самый великий писатель не публиковался с первого раза.

– Дело не в том, плох рассказ или хорош. Попав на ваш стол, он просто канул в Лету. Как будто его никогда не существовало.

Геннадий Иванович недоверчиво посмотрел на собеседника.

– Вы хотите сказать, автору не ответили? Но мы не обязаны...

– Я хочу сказать, что вы даже не прочли этот рассказ.

– Такого не может быть. Все поступившие рукописи регистрируются. Они получают входящий номер, а после того, как рецензент дает заключение, в журнале делается отметка...

– Или по прошествии пары месяцев Лена сама вписывает в соответствующую графу «В публикации отказано», если до тех пор рецензент не сообщил иное. Разве не так?

Геннадий Иванович остолбенел. Откуда Орлов знает такие подробности? Впрочем... понятно. Для подобного мужчины Лена готова на все.

– Иногда это случается, – нехотя согласился Карпов. – Вы не представляете, какой вал корреспонденции проходит через наши руки. Хотя почему? Вы же видели мой стол. Не удивительно, что какие-то письма могут... затеряться. Но это совершенно исключительный случай. Если вы уверены, что с вашим... то есть, с рассказом Михаила Петровича произошло нечто подобное, я от имени журнала приношу вам и ему свои искренние извинения.

Карпов готов был к тому, что его покаяние будет сочтено недостаточным. Но на лице Орлова вообще не дрогнул ни один мускул. Геннадий Иванович занервничал. В конце концов, он здесь один в чужом доме...

– Послушайте, давайте сделаем так. Раз уж я все равно здесь, мы прямо сейчас посмотрим рассказ – ведь текст у вас наверняка есть. И если там не совсем безнадежно, – Карпов мысленно обругал себя за невольно вырвавшуюся фразу, – обещаю вместе с Михаилом Петровичем бесплатно поработать над ним, чтобы довести до ума.

– Это невозможно.

– Невозможно? Почему?

– Михаил Петрович умер.

Карпов замер.

– Приношу свои собо... – Он вдруг похолодел. – Вы ведь не хотите сказать, что эти события...

– Михаил Петрович скоропостижно скончался от инфаркта. У него было слабое сердце. Накануне он сказал сыну, что больше не будет писать.

Настенные часы, чуть слышно отбивавшие ход, внезапно остановились для Карпова.

– Поэтому у меня к вам встречное предложение, – сказал Орлов.

– Какое?

– Я предлагаю вам самому побыть в шкуре автора. Написать и опубликовать рассказ. Но не под собственным именем, а под псевдонимом. Пусть ваше имя не слишком известно, в профессиональных кругах его знают, а в этом случае качество текста часто отходит на второй план. Во избежание случайностей вам дается три попытки. Если хотя бы один из трех рассказов одобрят в печать – будем считать, вы прошли испытание и искупили вину. Разумеется, необходимо полностью исключить возможность использования личных связей, поэтому вы, как мы и договаривались, проведете три месяца... или меньше – если положительный ответ поступит раньше – в этом коттедже. Здесь нет Интернета, не работает мобильная связь...

– Что за чушь? – вырвалось у Карпова. – Какие рассказы? Я не пишу рассказов. Я литературовед.

Орлов оставил его эмоциональный всплеск без внимания. Часы с кукушкой на стене отбили очередные полчаса, но и после этого комментариев не последовало.

– Понятно. Ваше предложение, как я понимаю, из категории тех, от которых невозможно отказаться? – уточнил Геннадий Иванович.

– Вовсе нет. Решение принимать вам.

– И что будет, если я с ним не соглашусь?

– Вы умрете.

Орлов произнес это таким будничным тоном, что смысл фразы не сразу дошел до Карпова. Но даже когда он осознал истинное значение произнесенных слов, то не смог в него поверить и спросил:

– Вы хотите сказать, что вы меня... убьете?

Лицо Геннадия Ивановича приобрело странное выражение. Видимо, потому, что одна его половина выражала недоверие, а вторая – страх.

– Я? Что вы! Конечно нет.

Карпов заметно перевел дух. Как выяснилось – преждевременно.

– Для этого есть специально обученные люди, – будничным тоном добавил Орлов. – Каждый должен заниматься только тем, что умеет делать по-настоящему. Вы со мной согласны?

Геннадий Иванович не смог ответить. Мышцы его лица, только что выражавшие недоверие, присоединились к тем, которые отвечали за страх. Карпов смотрел на Орлова так, будто видел его впервые. И не мудрено. Еще неделю назад он знать не знал этого человека. Сейчас Геннадий Иванович многое отдал бы за то, чтобы не знать его вовсе. Но такую возможность он упустил...

– То же самое произойдет, если ни один рассказ не будет принят, – продолжил Орлов. – Но что вас так волнует? Одна публикация – пустяковая задача для профессионала вашего уровня. Разве не так?

– Слушайте, это невероятно! – взорвался Карпов. – Убивать человека за то, что какая-то папка случайно затерялась на его столе? Да вы просто неадекватны! Похищение, теперь эта дикая угроза...

– Вряд ли имеет смысл говорить о похищении. Вы можете свободно уйти отсюда в любой момент, никого не спрашивая. Достаточно нажать кнопку у ворот.

– Уйти? – Геннадий Иванович одарил Орлова недоверчивым взглядом. – Уйти и... все?

– Нет, разумеется. Периметр круглосуточно контролируют камеры. Если вы самовольно покинете территорию, возврата не будет. Договор расторгается в ту же минуту. Мы больше не увидимся. Какое-то время после этого вы проживете обычной жизнью. Но когда-нибудь... может, на следующий день... или через неделю... месяц... а то и год – к вам подойдет человек, которого вы никогда ранее не встречали. И все закончится. Только представьте, с каким ужасом вы, покинув этот дом, будете всматриваться в каждое новое лицо?

– А что, если, выйдя отсюда, я сразу направлюсь в полицию?

– Не вижу в этом особого смысла. Во-первых, кто вам поверит? Во-вторых, исход останется тем же. Разве что увеличится срок, в течение которого вы будете шарaxаться от каждого незнакомца. Такая жизнь быстро покажется адом. Вам понятны условия?

– Вы сумасшедший, – только и смог выговорить Геннадий Иванович. – Какое вам вообще до всего этого дело? Кто он вам, этот Сергеев – сват, брат?

– Разве я еще не сказал? Извините. Мое настоящее имя – Олег Михайлович Сергеев. Михаил Петрович – мой отец.

Сердце Карпова пропустило удар. Теперь он понял, насколько все серьезно.

Бывший Орлов, с этой минуты Сергеев, встал.

– Будем считать наш договор вступившим в силу. Конкретные детали обсудим позже, когда вы окончательно придете в себя. Кристина...

Помощница немедленно появилась в холле. Теперь она еще больше напоминала Геннадия Ивановичу бездушного робота из фильма о Терминаторе.

– Можете обращаться к ней по любому поводу. Отношение будет самым предупредительным.

Карпов попытался использовать последний шанс.

– Меня будут искать.

Сергеев снисходительно улыбнулся.

– Кто, Геннадий Иванович? Вы же сами предупредили всех, что уезжаете на три месяца. Давайте не будем об этом. Тем более, сейчас вас ожидает приятная встреча. Кристина, попросите Павла Борисовича присоединиться к нам.

Помощница направилась к лестнице.

Карпов вопросительно посмотрел на Сергеева, но тот никак на это не отреагировал. Вскоре на лестнице послышались шаги.

– Ба! Карпов? «Путеводная звезда», кажется? Значит, это вас мы ждали?

Глаза Геннадия Ивановича округлились. В холл с бокалом в руке спускался известный критик Лучинский – импозантный мужчина возраста первой молодости старости. Курчавой седой шевелюрой он напоминал то ли Альберта Эйнштейна, то ли журналиста Венедиктова. На ногах критика были домашние тапочки.

– Павел Борисович? – удивился Карпов. – Что вы здесь делаете?

– Странный вопрос, – ответил за Лучинского Сергеев. – Вы полагаете, Михаил Петрович послал рукопись в одно-единственное место?

Глава третья

20 мая

16.12

Лучинский ввалился в бунгало, едва переводя дух. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Шестидесят пять лет и пятнадцать килограммов лишнего веса сами по себе заслуживают внимания, а тут еще бокал «Б-52»² в баре пляжа на тридцатиградусной жаре. Но как отказать себе в маленьких радостях?

Павел Борисович вынул из холодильника бутылку «Перье»³, сделал несколько жадных глотков и с облегчением плюхнулся на кровать.

Широкие лопасти вентилятора над головой энергично перемешивали кондиционированный воздух.

«Все-таки отдых – это тоже работа», – подумал Лучинский, ощущая, как постепенно успокаивается сердце.

Когда пульс вошел в привычные рамки, он стащил с прикроватной тумбочки ноутбук и, устроившись поудобней, откинул крышку. Красный кружок на голубой эмблеме скайпа тут же сообщил, что за последний час с ним трижды пытались связаться. Аватарка звонившего и его имя ничего не говорили Лучинскому, но просто так трижды за час никто звонить не будет. Он не без труда приподнялся, сбросил ноги на пол и, вернув комп обратно на тумбочку, нажал кнопку вызова.

Ответ не заставил себя долго ждать. В черном прямоугольнике экрана проявилась импозантная блондинка со стянутыми в пучок волосами.

– Здравствуйте, Павел Борисович! Спасибо, что перезвонили. Меня зовут Кристина.

Лучинский поспешно изменил ракурс камеры, чтобы в кадре осталось только его лицо. Обнаженный торс, заплывший жиром, импозантным блондинкам показывать не следовало.

– Мы знакомы? – спросил он.

– Вряд ли. И, тем не менее, у меня... точнее, у того, кого я представляю, есть к вам просьба. Просьба очень серьезная.

– В чем же она заключается?

Лучинский потянулся за минералкой, на сей раз не слишком заботясь о том, чтобы невыигрышные части тела оставались вне кадра. Блондинка, заводящая такой разговор, – уже не блондинка, а деловой собеседник.

– Вы – председатель жюри премии «Мастер». Я не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь.

– В таком случае, вот в чем суть нашей просьбы: в шорт-лист «Мастера» должна войти книга Сергеева.

Павел Борисович чуть не поперхнулся.

– Вы шутите?

– Ни в коей мере.

«Я думал, такие персонажи вымерли в конце девяностых, – подумал Лучинский. – Кстати, что еще за Сергеев вообще?»

Он не закончил разговор прямо сейчас лишь потому, что всегда был галантен с дамами. Особенно интересными.

² Слоистый коктейль из трех ликеров – кофейного, сливочного и крепкого апельсинового.

³ Сорт французской минеральной воды.

– Девушка, – в голосе критика появились покровительственные нотки. – Передайте тому, кто поручил вам это дело: литературный мир – не воинская часть. Здесь приказам не подчиняются. И потом, вы опоздали. Шорт-лист «Мастера» был утвержден перед моим отъездом.

– Утвержден, но не опубликован.

– Да какая разница! Вы не поняли? Жюри подвело итоги, они внесены в протокол.

– Разве протокол нельзя переписать?

– Всего хорошего. – Лучинский потянулся к клавиатуре. Слушать подобный бред, пусть даже от красивой женщины, смысла не было. Совсем офонарели нувориши.

– Подождите! – Кристина подняла руку. – Я хочу показать вам один документ.

Она поднесла к камере нечто, выглядевшее официальным бланком.

– Что это?

– Представление к государственной награде. Медали ордена «За заслуги перед Отечеством» третьей степени. Здесь стоит ваше имя. Посмотрите внимательно.

Лучинский всмотрелся – и опешил.

– Я... награжден?

– Пока нет. Но если вы окажете нам требуемую услугу, так оно и будет. Можете не сомневаться.

Павел Борисович окончательно растерялся.

– Но... Поймите, я не в состоянии... Решение принято. На сайте его разместят в ближайший понедельник. К тому же все члены жюри давно разъехались кто куда. И как я им объясню? Тем более, находясь здесь, посреди Индийского океана.

– Последнее легко поправимо. Вам заказан и оплачен билет на ближайший рейс из аэропорта Мале. Получить его можно на стойке «Катарских авиалиний». Вылет сегодня в 21.30. По прибытии вас встретят. А как только вопрос будет решен, мы, если пожелаете, за наш счет отправим вас обратно. Вас устраивают условия?

«Это не нувориши», – подумал Лучинский.

– Павел Борисович?

Лучинский представил, как будет выглядеть медаль у него на груди.

Он поднес к горлу бутылку, допил остатки минералки и произнес:

– Встречайте.

Всю дорогу от острова до аэропорта критик пытался вспомнить, кто такой Сергеев. Что-то эта фамилия ему все же напоминала.

Глава четвертая

23 мая

13.10

– Раз все в сборе, – сказал Сергеев, когда Лучинский присоединился к ним, – настало время обговорить детали. Как уже было сказано, вы должны написать три рассказа...

– Хватит и одного, – перебил Павел Борисович, от которого, несмотря на раннее время, шел устойчивый коньячный дух. – Вам ведь достаточно одной публикации, чтобы прекратить эту безумную игру?

– Вполне. Но, если позволите, я буду исходить из базовых условий. Итак, вы можете, – Сергеев изменил формулировку, – написать три рассказа. Объем текста не имеет значения. О готовности рукописей извещайте меня через Кристину. Я организую их немедленную отправку по указанному вами адресу, и я же извещу вас в случае получения положительного ответа редакции. Учитывая, что, насколько мне известно, максимальный срок рассмотрения рукописей – два месяца, плюс... добавляем время, которое потребуется на написание рассказов, какие-либо итоги могут проявиться не ранее середины июля.

Сергеев замолчал. Геннадий Иванович решил, что беседа окончена, но Лучинский оказался проницательней.

– Кажется, это не все, – заметил он.

– Вы правы. Рассказы должны быть написаны в том же жанре, что и направленная вам рукопись. Впрочем, не будем слишком сужать рамки. Подойдет все, что укладывается в термин «остросюжетная проза».

– Нет! – вырвалось у Карпова. – Это невозможно!

– Боюсь, не только возможно, но и обязательно, – подчеркнул Сергеев. – При этом вы оба окажетесь в равных условиях, поскольку до сих пор не писали ничего подобного.

– Не писал – и не собираюсь! – Геннадий Иванович повернулся к Лучинскому: – Павел Борисович, вы-то почему молчите?

Критик сделал очередной глоток из бокала и пожал плечами.

– Да мне, в общем, по барабану.

– По барабану?! Если мне не изменяет память, ваша недавняя статья называлась «Мейн-стрим как суррогат искусства».

Лучинский сохранял завидную безмятежность.

– Голубчик, при чем тут моя статья? Вы полагаете, у нас есть возможность выбора?

Карпов по-настоящему растерялся.

– Но я просто не смогу написать ничего подобного! Даже если меня пригрозят убить прямо сейчас!

Сергеев посмотрел на него с интересом.

– Правда? Как же вы собирались помогать Михаилу Петровичу? Мы ведь оговаривали, что он пишет именно в этом жанре. Неужели желание получить три миллиона рублей сильнее страха смерти?

В тишине раздалась аплодисменты.

– Bravo! – воскликнул критик. – Они вас, оказывается, неплохо ценят. Три миллиона – еще не высшая лига, но уже на подступах.

Карпов почувствовал себя так, будто ему ударили под дых. Это было нечестно. Раскрывать все детали при Лучинском... И потом...

– Но... я даже не знаю, куда направлять подобные... произведения, – пробормотал он.

– Это не проблема.

Сергеев открыл дипломат и достал файл с вложенными листами.

– Вот адреса отечественных журналов подходящего направления.

Он положил файл на стол.

– Надеюсь, это все сюрпризы? – спросил Лучинский.

– Почти. У меня есть одна идея, но ее вы можете не брать во внимание.

– Писать гусиными перьями и при свечах? – съязвил Геннадий Иванович. Время, когда он боялся быть дерзким, ушло в прошлое.

Сергеев сделал вид, что ничего не слышал.

– Вам известно, чем объясняется успех франшизы об агенте 007?

– Это еще здесь при чем?! – воскликнул Карпов.

– Продюсер проекта Джеймс Брокколи разработал семь строгих правил. Каждую серию открывает короткий мини-фильм с завершенным сюжетом, действие разворачивается в экзотической стране, Бонда сопровождает красивая девушка... и так далее.

– Действительно, при чем тут это? – поддержал Карпова Лучинский.

– Мой отец планировал написать серию новелл под условным названием «Пульс за сто» по схожим принципам: разные герои, разные страны со своим колоритом, разные жанровые оттенки, но всякий раз напряженный сюжет, подчеркивающий главную мысль: страх – интернационален, он не знает границ. Ваше согласие реализовать подобный замысел стало бы актом уважения памяти Михаила Петровича.

Лучинский усмехнулся.

– Могу предложить хороший псевдоним для подобного проекта. Один на двоих. Кевин Стинг. Как вам?

У Карпова возникло стойкое ощущение, что он видит кошмарный сон и сейчас неминуемо проснется.

– Еще раз повторяю: последнее пожелание не является обязательным. Отказ от него не вызовет последствий. Пожалуй, все.

Сергеев встал.

– Хотя, нет. – Он поочередно посмотрел на собеседников. – Подозреваю, рано или поздно у вас возникнет соблазн проверить, насколько серьезны мои угрозы. Какое-нибудь легкое нарушение, за которым, как вам покажется, последует предупредительное наказание – возможно, неприятное и болезненное, но не слишком опасное. Призванное подтвердить, что я не шучу. Так вот, я действительно не шучу. Поэтому наказание, вне зависимости от степени проступка, будет только одно – смерть. Никаких полутонн и последних предупреждений. Никаких слованных пальцев и прочих угроз. Либо вы соблюдаете правила, либо нет. Либо живете и пытаетесь доказать свое право на жизнь, либо аннулируете эту возможность. Бесповоротно и сразу. Предупреждений не будет. Запомните это.

13.40

Когда Сергеев ушел, критик направился к бару, спрятанному за деревянной панелью в стене, и плеснул в бокал новую порцию коньяка.

– Хотите? – предложил он Карпову. – У них тут первоклассный выбор.

– Нет, спасибо, – отказался Геннадий Иванович. – Сейчас не до этого. Вы-то как влипли в историю?

– Рукопись пришла прямо на дом. С конвертом для ответа.

– И что там было? Я ведь, как назло, даже фамилии такой не помню – Сергеев.

– Чушь полная. Детектив из советской жизни про убийство водителя трамвая. Кто сейчас станет такое читать?

– Вы хоть прочли. У меня она вообще куда-то пропала.

– Если бы только прочел! Мой грех куда серьезней. Накануне пришлось на правлении Союза ставить на место одного молодого хлыща. Так что автор получил развернутый ответ во всю глубину моего таланта.

Лучинский отхлебнул коньяк и одобрительно посмотрел на бокал.

– Эти люди не лишены вкуса.

Карпов поморщился. Как можно заниматься дегустацией спиртного в то время, когда на карту поставлена жизнь?!

– Вы верите в то, что угрозы Орлова реальны? – спросил он. – Мне все же кажется, нас просто хотят проучить. Не могут ведь они действительно пойти на убийство?

– Почему нет? В феодально-бандитском обществе убийство не является проблемой. А уж если ты наступил на мозоль серьезному человеку...

– Думаете, Сергеев – бандит?

– Голубчик, у вас устаревшие определения. Столь узких специализаций давно не существует. К тому же это был бы не худший вариант. У тех, кого вы называете бандитами, есть определенные понятия. С бандитом можно договориться. Или найти другого бандита, с которым у него... разногласия. Нет, боюсь, мы отдавили пятку кому-то из власть предержащих. Вас ведь предупредили, что в полицию обращаться бесполезно?

– Да, но одно дело я, а другое – вы. У вас большие связи. Вы – человек публичный, с вами нельзя расправиться просто так.

– Бросьте! С их точки зрения между нами лишь одно отличие: я – звезда крепостного театра, а вы – уж, извините – из массовки.

– Вот именно! Вы можете привлечь внимание СМИ, дать интервью газетам, телевидению, и потом...

– И потом, когда шум уляжется, а уляжется он быстро... Когда в полиции скажут, что факты не подтвердились, а они не подтвердятся... В общем, когда все обо всем забудут, со мной случится банальный сердечный приступ. Или что-нибудь еще.

– Вы действительно верите, что они это сделают?

– Вполне. Большие люди никогда не позволяют себя нагибать. Ни-ко-гда! Потому что, если кто-то из ближнего круга увидит – тебя можно нагнуть, обязательно попробует. В общем, придется принять их условия. Один рассказ я уж как-нибудь опубликую. А потом... Потом можно изучить возможности дать сдачи.

Карпов вскочил.

– Нет! Я не могу в это поверить! Расправиться с человеком из-за...

– С человеком! – Лучинский неожиданно засмеялся. – Эх вы хватили! Для них мы не люди. В этом со времен царя-батюшки ничего не изменилось. Люди – там. – Павел Борисович ткнул пальцем наверх. – А здесь – мертвые души. Одного не пойму, почему нельзя было сделать все по-людски? Позвонить, объяснить, чья это рукопись. Получили бы отзыв, с которым на Букера не стыдно подать. С нашим удовольствием.

Часы на стене пробили дважды.

– И что теперь делать? – спросил Геннадий Иванович.

– Как – что? Вам же объяснили. Писать рассказы – и ждать публикации.

Лучинский опрокинул в себя остатки спиртного. Это все больше раздражало Карпова.

– Вы так спокойно об этом говорите! Какие гарантии? Рукопись уйдет самотеком, имя автора никому ничего не скажет... А связи с миром они нас лишили.

– Есть много способов дать понять, что рассказ написан не новичком.

Геннадий Иванович при всем желании не мог разделить подобной уверенности. Должны быть другие пути! Должны!

– Разве на ваше исчезновение не обратят внимания?

– Вряд ли. Лето, сезон отпусков. Я сейчас на Мальдивах.

– Где?

– На крошечном острове посреди Индийского океана. О том, что я улетел, знают многие. О том, что внезапно вернулся, – никто.

– Внезапно вернулись с острова? Чем же они вас взяли?

Карпову тут же стало неловко за некорректный вопрос. Но Лучинский и не думал на него отвечать. Он с интересом рассматривал этикетку на бутылке.

– Какой благородный напиток. Надеюсь, последствия его потребления тоже будут благородными. Все еще не хотите присоединиться?

Геннадий Иванович с трудом подавил бушевавшее в груди раздражение.

– Нет, спасибо.

Критик вдруг посмотрел на него с тревогой.

– Только не говорите, что вы трезвенник! Два месяца пить в одиночку – этого я не переживу.

В холл вошла Кристина.

– Господа, для вас накрыт обед.

По дороге в столовую Лучинский приблизился к девушке и, наклонившись к ее уху, вполголоса спросил:

– Вы действительно можете выполнить любую просьбу?

Его ладонь по-отечески легла на талию Кристины.

– Лучше обнимите меня левой рукой, – ответила та.

– Почему?

– Если я сломаю правую, вам трудно будет писать.

Лучинский поспешно убрал руку.

15.00

После того как товарищи по несчастью вновь вернулись в холл, критик спросил:

– Ну что, Геннадий Иванович, какую страну выбираете?

Карпов посмотрел на него.

– Знаете, Павел Борисович... Я не могу отделаться от мысли, что вы с ними заодно.

Лучинский поморщился.

– Если вы всерьез полагаете, будто меня наняли с целью доставить вам неприятности, – у вас мания величия. Лучше оцените по достоинству мою идею с одним псевдонимом на двоих.

Поймав недоумение в глазах Карпова, критик пояснил:

– Тот, кто первым опубликует рассказ Кевина Стинга, пробьет дорогу второму. Сергеев этого не раскусил, но вы – профессионал – могли бы и догадаться.

Даже легкий укол задел потрепанную нервную систему Геннадия Ивановича.

– Твердо решили прогнаться?

Он приготовился к резкому ответу, но Лучинский, похоже, не был расположен к военным действиям.

– Слушайте, Карпов, не будем ссориться. Что касается вашей антипатии к жанру... Насколько я понял, при определенном размере гонорара мейнстрим начинает вам нравиться. Все-все! – Павел Борисович примирительно поднял руки. – Не заводитесь. Лучше подумайте хорошенько о моих словах.

Карпов отвернулся. В принципе, Лучинский, конечно, прав...

– Пожалуй, возьму Румынию, – сказал Павел Борисович. – Вампиры сейчас в тренде.

Геннадий Иванович обхватил голову руками:

– Не верю, что все это происходит со мной!

– Еще поверите. Человек быстро ко всему привыкает.

Глава пятая

16.30

Возможно, какие-то люди действительно способны быстро привыкать к внезапно изменившимся обстоятельствам, но за послеобеденный час, проведенный наедине с самим собой, Карпов окончательно уверился: он к ним точно не относится. Укрывшись в предоставленном кабинете, Геннадий Иванович даже не включил компьютер. Его занимали совсем другие мысли...

«Играть по предложенным правилам, писать бредовые рассказы и надеяться, что кто-то их опубликует, – не выход. Более того, эти правила наверняка и рассчитаны на то, чтобы загнать нас с Лучинским в тупик. А до тех пор – унижить. Заставить поступиться принципами, делать то, что противно и противоестественно твоей природе. Наказать мучительным многодневным страхом ожидания. А затем... Затем, возможно, и впрямь наступит то, что эти люди с их большим воображением считают заслуженным возмездием. Таков их план. И расстроить его может лишь очень неожиданный ход. Такой, которого они не ожидают. Открыто обратиться к полиции – не вариант. Сергеев доходчиво объяснил последствия. А вот если силовики нагрянут внезапно, до поры до времени ничего не подозревая о нашей участи... Если нас скрутят вместе со всеми, вывезут в город... Тогда появится шанс».

Карпов подошел к книжным полкам. В другое время и в другом месте, увидев такую библиотеку, он завис бы надолго. Но сейчас даже книги не могли его отвлечь.

«Как организовать такой рейд? Понятное дело, органы должны получить сообщение. Допустим, я придумаю способ его доставить. Что же в нем написать? У силовиков должен быть весомый повод для захода на частную территорию. Излагать реальную ситуацию нечего и думать – никто не поверит. Максимум, пришьют участкового. А чтобы слетелись все разом... В доме бандитский притон? Слабовато... Лаборатория по производству наркотиков? Уже лучше. Тут есть шансы заполучить ФСБ. Или... – Карпов аж потряс руками, настолько ему понравилась новая идея. – Здесь готовится террористический акт! В этом случае даже аргументации особой не надо. По нынешним временам проверяют любой сигнал».

Геннадий Иванович сел на диван и принялся додумывать ситуацию.

«Итак, спецслужбы получают информацию, что в этом доме укрылись террористы. Возвращаемся к предыдущему вопросу: как они ее получают? Допустим, я напишу записку и – что? Перебросить через забор? Невозможно. Камеры. Дождаться темноты? Все равно рискованно. Кто знает, какая у них чувствительность. Нужен абсолютно безопасный вариант. Цена ошибки известна».

Карпов подошел к окну. Окно выходило на лужайку. За ней взгляд упирался в глухой забор двухметровой высоты. Геннадий Иванович немного посмотрел на него и покинул кабинет...

На втором этаже лестница почти сразу превращалась в коридор, по бокам которого находились четыре двери. За одной из них, очевидно, скрывалась комната Лучинского. Идя по коридору, Карпов старался не шуметь. Встреча с критиком не входила в его планы. Коридор завершался небольшой круглой площадкой с высокими окнами. По-видимому, это была башенка, которую он заметил, входя на территорию. Вид не отличался разнообразием. Все та же лужайка. Все тот же забор. Но отсюда Геннадий Иванович уже мог видеть то, что находилось за ним: дорогу, а главное – соседский участок с неказистым «пролетарским» домиком. Его хозяева явно жили тут до «эпохи Возрождения». Это хорошо, даже здорово. Такие соседи легко поверят, что у «нуворишей» напротив творятся безобразия. Небось еще и с радостью «настучат».

«До нашего забора отсюда метров двадцать. Дорога – шесть. Тротуары – по метру. Значит, до соседнего участка не больше тридцати. Для хорошего броска – не расстояние».

Карпов осторожно открыл окно, распахнул створку, потом отошел на несколько шагов. Вряд ли камеры развернуты в сторону дома, но лучше подстраховаться.

«Дождаться темноты. Хорошенько размахнуться и бросить. Бросать нужно что-то весомое, но максимально компактное. Даже если какая-то камера засечет движение, что с того? Может, это птица пролетела».

Настроение Геннадия Ивановича заметно улучшилось. У него появилось много дел в ближайшее время, а главное – надежда выбраться из жуткой ситуации, в которую он попал...

18.00

До ужина Карпов составлял записку. Он решил сначала придумать текст, а уже потом сжать его до приемлемых размеров. Слава богу, в бумаге недостатка не было. Вскоре пол у стола оказался усеян смятыми комками. Первый вариант занимал половину страницы формата А4. Второй сократился вдвое. Над ним Геннадий Иванович бился еще полчаса. После чего плюнул, отшвырнул очередной черновик, взял чистый лист, задумался и вскоре вывел:

«Прошу нашедшего немедленно передать эту записку в полицию.

В поселке Жуковка (ЖК “Оазис”, строение 10) готовится крупный террористический акт. Все случится в ближайшие дни».

Он посмотрел на написанное, подчеркнул слово «немедленно» двумя чертами, заменил «террористический акт» на «терракт» и добавил в конце: «Это не розыгрыш!»

Разумно заключив, что лучшее – враг хорошего, Карпов аккуратно, высовывая от старания язык, вывел весь текст максимально маленькими буквами, плотно пакуя строки. Потом вырезал полученный прямоугольник, отложил его в сторону, тщательно собрал все черновики и запихнул их в полиэтиленовый пакет, найденный в одном из ящиков.

Теперь осталось подумать о том, к чему приложить записку. То есть, что, собственно, он будет бросать. Геннадий Иванович решил прогуляться по дому – что-нибудь подходящее обязательно попадется на глаза.

Коттедж выглядел тихим и пустым. Какие-то звуки доносились только с кухни. Лучинский не объявлялся. Видимо, писал. Карпов не боялся, что его странные перемещения зафиксируют камеры. Следить за «постояльцами» внутри дома вроде бы ни к чему. А если он и ошибается, эти рысканья вполне сойдут за любопытство. В конце концов, что может быть более естественным, чем знакомство с домом, в котором тебе предстоит прожить не один месяц.

К удивлению и досаде Геннадия Ивановича, ничего достаточно компактного и в то же время весомого во время своего обхода он так и не нашел. Фигурки нэцке⁴ на камине подходили идеально, но их пропажа могла привлечь внимание. Только перед самым ужином, моя руки в ванной, Карпов решил задачу. Причем решение в буквальном смысле упало ему в руки. Мыло! Отрезать от бруска нужный по весу фрагмент труда не составит. Можно даже безо всяких опасений сделать их несколько. Кто обратит внимание на исчезнувшее мыло? Просто достанут из кладовки другой кусок. Конечно, мыло может расплыться в случае дождя, но дождя, насколько помнил Геннадий Иванович, в ближайшее время не обещали. Во-вторых, что будет с этим мылом после того, как оно успешно перелетит через два забора, не так и важно.

За ужином Карпов испытывал нестерпимое желание поделиться планами с Лучинским, но при здравом размышлении решил этого не делать. Когда нагрянет полиция, будет лучше, если хоть одному из них не придется притворяться, что он тут ни при чем. И еще... Чванливый критик наверняка захочет сделать все по-своему. Начнутся споры, препирательства, в которых

⁴ Миниатюрная скульптура, произведения японского декоративно-прикладного искусства.

нет никакой нужды. Ведь все уже придумано. Придумано им, Карповым, «человеком из массовки». Так что пусть лучше «звезда крепостного театра» узнает все пост-фактум.

Когда критик покинул столовую, Карпов порылся по ящикам, быстро нашел подходящий полиэтиленовый пакет, положил в него несколько кусков колбасы и немного хлеба, прихватил со стола нож и вилку и отправился к себе. Если кто-то следил за ним, вряд ли тут можно было что-нибудь заподозрить. Просто человек любит перекусить за работой. Кусок мыла присоединился к этому набору по дороге.

21.00

Карпов готов был проклясть солнце за то, что в мае оно так поздно уходит за горизонт. С другой стороны, это позволило ему не только подготовить «посылку», но и основательно продумать свои действия, предусмотреть различные варианты развития событий. Правда, по закону подлости случилось то, на что Геннадий Иванович не рассчитывал.

Поначалу все шло удачно. Главной удачей стал свет в доме напротив. Значит, там действительно есть люди. Окно, как и днем, открылось бесшумно. Карпов распахнул створку настежь, освободив весь проем, отошел назад ровно настолько, чтобы быть уверенным – с улицы в темном коридоре его никто не заметит... Потом достал из кармана три подготовленных куска мыла размером с толстый мизинец. Все они были плотно затянуты полиэтиленом. Хотя восьмичасовые новости осадков не обещали, Геннадий Иванович решил не рисковать. Известно, чего стоят прогнозы погоды. Если мыло растает, оставшуюся бумажку может унести ветром бог знает куда.

Один брусок был «пустышкой» – только мыло. Его Карпов собирался бросить на пробу. К двум другим он прикрепил одинаковые записки – так больше шансов, что найдут хоть одну. Кроме записок эти два бруска содержали еще кое-что. Геннадий Иванович здраво рассудил: «посылка» должна не только не затеряться в траве, но и однозначно привлечь внимание. Иначе ее могут принять за мусор. Оба бруска с записками были завернуты в денежные купюры. Первый – в сторублевку, а для второго Карпов не пожалел пятисот. Не тот случай, когда стоит мелочиться.

Он еще раз прислушался – тихо – и, размахнувшись, швырнул в окно «пустышку». Куда конкретно она упала, Геннадий Иванович не понял, но мог поклясться – оба забора перелетела с гарантией. Пока рука хранила «память» удачного броска, Карпов быстро швырнул вслед груз с запиской – и еще более удачно. На сей раз он заметил, как дрогнула листва дерева на соседском участке. От радости Геннадий Иванович безмолвно потряс руками – и зря. Непреднамеренный жест явно сбил его с ритма. А может, он просто расслабился. Так или иначе, третий брусок, покинув руку, глухо шмякнулся об оконную раму. Звук был не очень громким, хотя и показался Карпову оглушительным. Куда хуже оказалось другое. Угодивший в раму брусок не отскочил в дом, а вывалился наружу.

Геннадия Ивановича мгновенно окатило жаром. Если сейчас где-нибудь там бродит охранник... И если он, повернувшись на звук, заметил, как что-то выпало из окна... И если он сейчас подбирает его «посылку»...

Не в силах вынести картину, которую в красках живописал мозг, Карпов бросился к лестнице, уже не думая, что может потревожить Лучинского. В конце коридора он опомнился и сбавил темп – в случае неожиданной встречи трудно будет объяснить, куда и почему он так несется.

В холле, к счастью, никого не оказалось. Геннадий Иванович направился к выходу.

«А что, если на ночь они запирают двери?» – с запозданием пришла в голову неприятная мысль.

Но проверить он не успел. Стоило Карпову взяться за ручку, как сзади раздался голос Кристины:

– Куда вы?

Геннадий Иванович резко обернулся.

Женщина, по-видимому, только вошла в гостиную. Иначе он просто обязан был ее заметить.

– Я? – переспросил Карпов и тут же увидел себя со стороны. Растерянного, застигнутого врасплох. От этого на него нахлынула спасительная злоба. – На улице, – произнес он с заметным вызовом и добавил: – Что, нельзя? У меня привычка гулять по вечерам.

– Пожалуйста, – согласилась Кристина. – Но вы уверены, что вам будет удобно гулять босиком?

Геннадий Иванович только сейчас вспомнил, что, «отправляясь на дело», снял обувь. Он вновь превратился в растерянного мальчишку. Все заранее заготовленные ответы куда-то подевались.

– Простите, – только и смог выдать он. – Когда работаю... я очень рассеян...

Быстро надев туфли, Карпов вернулся в холл. Кристины там уже не было. На сей раз он покинул коттедж беспрепятственно. Фонари заливали участок ровным неярким светом. Это было хорошо. В темноте труднее найти «посылку». И это же было плохо. Потому что увеличивало шансы на то, что за это время ее нашел кто-то другой. Например, Кристина. Куда она подевалась? Смотрит из укромного уголка, что собирается делать на улице на ночь глядя ее подопечный?

Уняв новую волну страха, Геннадий Иванович пошел по тропинке, проложенной вдоль дома. Он всячески старался делать вид, будто просто гуляет, дышит воздухом, не имея ровным счетом никаких планов, ровным счетом никаких...

Опасная улика лежала на траве под окном. Карпов заметил ее издалека. На тот случай, если за ним все же наблюдают, Геннадий Иванович, замедлив шаг, как бы ненароком наступил на «посылку», остановился, присел и, делая вид, будто завязывает развязавшийся шнурок, неловко выковырял ее из-под подошвы. Потом встал и отправился дальше, вместе с кулаком опуская находку в карман.

Блудя легенду, он честно слонялся по участку еще минут пять, хотя давно понял – никто за ним не следит. Ведь нет никаких сомнений, что, изображая проблемы со шнурками, он выглядел не тем, кем надеялся, а тем, кем был: до смерти испуганным человеком, нашедшим на траве что-то очень важное...

Глава шестая

24 мая

9.15

– Вы с ума сошли?!

Такого ответа Геннадий Иванович никак не ожидал и недоуменно посмотрел на Лучинского.

– В каком смысле?

– Да в прямом. Более идиотский поступок трудно себе представить!

Карпов вспыхнул.

– Ну, знаете...

8.30

Встал он непривычно рано, в половине девятого. Да еще с такой головой, будто накануне пил, не просыхая. Первое, о чем подумал Геннадий Иванович, проснувшись, была, конечно, записка. Нашли ли ее? А может, уже передали в полицию? Или соседи любят подольше поспать? Или вообще не заметили маленький предмет, лежащий в траве? Хотя, трава у них вроде бы не густая...

Промаявшись подобным образом минут десять, Карпов сел на кровати и потряс головой. Так нельзя. Дальше от него ничего не зависит, остается лишь ждать. Ждать, сколько бы времени для этого не понадобилось. Ждать, по возможности не показывая вида. Ждать, храня все в себе. Геннадий Иванович даже не подозревал, насколько это трудно. Возможно, поэтому он продержался менее часа.

Лучинский уже сидел в холле, листая «Путеводную звезду». Заметив вошедшего Карпова, он отбросил журнал на диван.

– Сколько у вас подписчиков? Сто? Двести? Впрочем, не буду давить на больную мозоль. Вы, я погляжу, тоже жаворонок. Хотя... – критик посмотрел на часы. – Почти девять. Для жаворонка поздновато. Для совы – рано. Видно, вы – птица особая. Не хотите прогуляться перед завтраком?

Хоть Павел Борисович и опрокинул в себя накануне минимум полбутылки коньяка, выглядел он весьма бодро. Про себя Карпов так бы не сказал. Похоже, прогулка действительно не повредит...

За территорией вокруг коттеджа явно присматривал профессиональный садовник. Геннадий Иванович мог бы отметить это еще накануне, но накануне ему было не до этого. Сейчас он заметил другое. Ворота на улицу приоткрыты примерно на треть. Демонстрация мнимой свободы?

– А вот и камеры. – Лучинский показал на два устройства слежения под крышей дома. – На жесткий диск пишут.

У Карпова екнуло под ложечкой. Вроде бы обе камеры были направлены на забор, но что, если они записали его фокус со шнурками?

– Давайте присядем, – предложил Лучинский. – Физические упражнения пока не для меня.

Они примостились на скамейку под кустом сирени.

– Как ваши творческие успехи? – поинтересовался критик.

– Более-менее, – отделался неопределенным ответом Геннадий Иванович, но матерого коллегу было не провести.

– До сих пор не верите в возможность опубликоваться под псевдонимом?
– Какая вам разница? – огрызнулся Карпов и сразу почувствовал себя виноватым. Все же Лучинский стоит куда выше на иерархической лестнице. Да и по возрасту старше.

Но Павел Борисович был настроен миролюбиво.

– Позвольте дать совет – не думайте об этом. Упрямые мысли имеют свойство овеществляться. И заодно отбросьте предубеждение к тому виду литературы, который нам навязали.

– Это не вид литературы. В лучшем случае, вид ремесла. Литература рождает смыслы. Литература заставляет чувствовать, сострадать...

– Литература прежде всего рассказывает истории. Придумайте интересную историю. Таковую, чтобы каждому захотелось узнать, что будет дальше – и никакой редактор не выбросит рукопись, не дочитав ее конца.

– Да прямо! Какую же историю рассказывает Джойс в «Улиссе»?

– Понятия не имею. Не читал.

Карпов удивленно уставился на собеседника.

– Вы не читали «Улисса»?!

– И что с того? У вас сейчас такой вид, будто я сообщил, что жду ребенка. Ну, не читал. Кстати, это не мешает мне обсуждать творчество Джойса. Хотите поговорить об «Улиссе»?

– Забудем про «Улисса», – отмахнулся Карпов. – А как быть с вашей статьей о Васильевой? Вы же от нее камня на камне не оставили.

– Понравилось? – Лучинский удовлетворенно кивнул. – Неплохо получилось. Знали бы вы, кто ее заказал...

– Так статья была заказная? И вы открыто об этом говорите?

– Ужас, правда? Кстати, это плохой пример. Жанр тут ни при чем. Просто Васильева – хреновая рассказчица. Во всяком случае, с тех пор как начала угнетать «негров». Хотя, тысячи российских граждан имеют другое мнение. Если же рассказчик первоклассный... Например, Конан Дойл. Согласны, что «Записки о Шерлоке Холмсе» – литература?

– В какой-то мере.

– Бросьте! Это уже отдает снобизмом.

– Хорошо, согласен. Но там есть живые герои. Со своими характерами, страстями...

– Кто мешает вам их создать? Придумайте живых, настоящих героев. Придумайте увлекательную историю, которая с ними приключилась.

– Соседи! – раздалось совсем рядом.

В проем ворот заглядывал какой-то мужчина. Карпов заволновался.

«Приехали? Уже?!»

– Я с глупым вопросом. У вас случайно шуруповерта нет?

Для спецгруппы силовиков заход был слишком «киношным». А что, если этот мужчина – из дома напротив? Нашел записку и все же решил проверить, не розыгрыш ли?

Геннадий Иванович вскочил, но Лучинский крепко схватил его за руку и крикнул:

– Кристина!

Вместо помощницы Сергеева из дома вышел незнакомый молодой парень. Наверное, новая смена охраны.

– Тут к вам пришли.

Охранник направился к воротам. Карпов выдернул руку.

– Нельзя ли полегче?

– Извините. Мне показалось, вы сейчас сделаете большую глупость.

– За кого вы меня принимаете? Я способен держать себя в руках. – Геннадий Иванович не удержался и добавил: – И, между прочим, в отличие от вас, уже кое-что сделал.

– Неужели? Что именно? – поинтересовался Лучинский.

Тогда-то Карпов все ему и рассказал.

9.15

– Вы меня спросили, хочу ли я в этом участвовать?! – продолжал бушевать Лучинский. – Какого дьявола вы подставляете нас обоих под удар? Если не в состоянии написать один вшивый рассказ, который хоть кого-то заинтересует, – прямо скажите об этом Сергееву!

– Я? Не в состоянии? – захлебнулся от гнева Карпов.

– Судя по всему – да! Хотя себя, наверное, убеждаете, что просто не хотите! Так? Впрочем, мне ваши проблемы до лампочки. А вот визит по вашей милости полиции – нет. Бог знает, к чему это приведет. Остается только молиться, чтобы ваша записка так и сгнила в траве.

– Молиться? Ну и молитесь! А я...

Геннадий Иванович не успел закончить фразу. Его прервал вернувшийся от ворот охранник, о котором оба литератора в горячке спора совершенно забыли.

– Вам просили передать, что завтрак накрыт. Если желаете...

– Не желаю! – перебил его Карпов. – По крайней мере, пока вот этот господин будет в столовой.

Одарив критика гневным взглядом, Геннадий Иванович ушел в дом.

9.45

Завтракать Карпов не пошел. Даже мысль о встрече с Лучинским сейчас была для него невыносима.

Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что причина столь острой реакции – поведение критика, отчитавшего Карпова как мальчишку. Но сам Геннадий Иванович (особенно после того, как немного остыл) понимал – причина в другом.

«Не можешь написать один вшивый рассказ, который хоть кого-то заинтересует».

Именно эти слова его так задели. Казалось бы, почему? Разве может оскорбить упрек в неумении делать то, чего никогда не делал и не собирался делать?

Карпов действительно никогда не писал рассказов. Ни остросюжетных, ни обычных. Никаких. Но Карпов писал роман. Большой роман под названием «Герой павшего времени». Точнее, собирался писать. Пока дело ограничивалось набросками. Настоящую работу Геннадий Иванович откладывал «на потом». Роману следовало явиться миру тогда, когда его автор по-настоящему «созреет». Обрстет связями, выгодными знакомствами, приобретет имя, достаточное для того, чтобы в издательстве его встретили словами: «Давно ждали от вас серьезную вещь», а не предложили оставить рукопись у секретаря. Этот роман – что тут скрывать! – Карпов считал главным делом своей жизни. «Герой» должен был стать литературной летописью девяностых. Полной, всеобъемлющей, окончательной, закрывающей тему раз и навсегда. Летописью, которую, как ни странно, никто до сих пор не создал. Геннадий Иванович не боялся, что его опередят. Невероятная фабула романа, основанная на реальной истории, давала ему серьезный козырь в конкурентной борьбе. Так что он мог подождать. Но... не только это было причиной ожидания. Подспудно Карпов боялся. Боялся, что не сможет. Просто не потянет. Ему не хватит способностей. Не хватит литературного мастерства. Только работа могла бы развеять эти опасения. Но работа могла и отнять надежду. Надежду на то, что опасения беспочвенны. Пока Геннадий Иванович предпочитал надежду.

И вот, глупая история с рукописью безвестного графомана внезапно поставила его перед фактом – отвечать на вопрос, может ли он писать, надо прямо сейчас. Немедленно. Причем отвечать на условиях, похожих на издевательство. Геннадий Иванович собирался воздвигнуть храм. Ему предложили построить общественный туалет. Уже это серьезно пошатнуло внутренний мир Карпова. А теперь Лучинский открыто усомнился в том, что и туалет ему по силам. Вот Карпов и взорвался...

Он вдруг почувствовал, что голоден. Где-то в тумбочке должна была лежать вчерашняя колбаса, прихваченная из столовой для маскировки. Но можно ли ее есть?

«Какого черта?! – внезапно разозлился Геннадий Иванович. – Почему я должен голодать из-за одного придурка?»

И он решительно направился в столовую.

9.55

Вопреки ожиданиям Карпова, Лучинский все еще находился там. Геннадий Иванович остановился в дверях, но критик сделал приглашающий жест.

– Заходите. Я специально дожидаюсь вас здесь. Глупо, имея кругом врагов, наживать еще одного среди союзников. Особенно, когда союзник один. Приношу вам свои извинения за излишнюю резкость.

– Излишнюю? – Геннадий Иванович прошел к столу, на котором осталось вполне достаточно еды, чтобы утолить голод.

– Хотите полного раскаяния? Но это была бы ложь – не самый удачный способ примирения. Продолжаю считать, что вы сгупили со своей затеей. И, кстати, большое свинство с вашей стороны – не предупредить меня о ней заранее. Не находите?

– Я полагал, чем непосредственней будет ваша реакция в случае... драматического развития событий, тем безопасней для вас.

– Вот как? Нет, сама по себе идея неплоха, но только в качестве последнего средства. Когда испробованы все остальные пути. Только тогда риск действительно оправдан.

– Слушайте, Лучинский, – Геннадий Иванович отложил только что приготовленный бутерброд, – никак не могу понять: на чем основана ваша уверенность в том, что вы сможете победить, играя по их правилам?

– Для начала на том, что у меня нет уверенности в обратном. И, уж простите, на трезвой оценке своих возможностей. Кстати, вам, хотите вы этого или нет, теперь точно придется писать.

– Теперь? – не понял Геннадий Иванович.

– Именно. Вы ведь надеетесь уверить хозяев, что не причастны к событиям, которые... могут произойти.

– И что?

– А то, что если к моменту их наступления вы не напишете ни строчки, поверить в это будет трудно. Я бы, например, не поверил. С чего это вы ничего не писали, зная о последствиях? Чего ждали?

Карпов так и не донес до рта бутерброд.

«А ведь он прав».

– Так что, пока не поздно, выбирайте страну. Я же вернусь к своим вампирам. Пока незваные гости не нагрянули. – Критик поднялся из-за стола. – Так как, мир?

– Ладно, – буркнул Геннадий Иванович.

– Вот и договорились. Творческих успехов.

Павел Борисович покинул столовую. Руки друг другу они пожимать не стали.

16.00

День начинал клониться к вечеру, а на экране компьютера чернели всего две неполных строки. И обе они внушали автору искреннее отвращение.

«Когда на Гизу опустилась ночь, Имхотеп открыл глаза и восстал из саркофага», – в который раз перечел Карпов.

Он не был уверен, что из саркофага действительно восстают. Хотя, саркофаг – разновидность гроба, а «восстать из гроба» – вполне допустимый оборот.

– Господи, о чем я думаю! – простонал Геннадий Иванович и потянулся к клавиатуре.

Через секунду экран вновь обрел тот вид, который имел три часа назад, когда Карпов приступил к написанию рассказа. Раздумывал он не очень долго. Прежде всего, приходилось признать, что Лучинский прав. Бездействие жертвы, оказавшейся в отчаянном положении, действительно выглядит подозрительно. Потом, в ожидании развязки чем-то нужно было себя занять. И, наконец, в-третьих, вызов, брошенный утром критиком, требовал поднять перчатку или безропотно признать себя проигравшим. А этого Карпов не мог допустить. Поэтому где-то в половине первого он включил компьютер.

За выбором страны дело не стало. Писать, хотя бы на первых порах, лучше о том, что хорошо знаешь, и о тех местах, где побывал сам. А здесь Геннадий Иванович мало чем мог похвастаться. Страстью к путешествиям он не отличался и посетил всего две страны – Турцию и Египет. Египет выглядел более привлекательным вариантом. Тем более, в Турции Карпов все время валялся на пляже, а в Египте, напротив, приобщался к культурным ценностям. Поэтому с местом действия Геннадий Иванович определился быстро. А дальше начался ад, в самом нижнем кругу которого Карпов и ощутил себя в конце третьего часа сидения за компьютером.

Он решил сделать перерыв, а потом начать все сначала...

20.15

Перерыв затянулся надолго. Чем больше проходило времени, тем чаще, мешая сосредоточиться, возвращались мысли о записке. Если ее не нашли утром, то... Неизвестно, находится ли хоть кто-нибудь в том доме днем. А вечером, в темноте, шансов мало.

Еще Карпова волновали черновики – ворох мятых листов с пробными вариантами записки. Пакет с ними он убрал в ящик письменного стола. Выкидывать в мусор было страшновато.

Геннадий Иванович решил поступить нестандартно – разжечь камин в гостиной. В конце мая подобный поступок выглядел странно, но если учесть, что меньше месяца назад ночью иногда выпадал снег... Можно также выдать себя за плебея, который никогда не видел, как горит настоящий камин.

Колотые поленья до сих пор лежали стопкой в металлическом решетчатом ящике. Карпов сложил из них горку, сходил в столовую за спичками. Мятые листы с черновиками он засунул внутрь. Это ведь так естественно – использовать для розжига ненужные бумаги. На всякий случай он прикрыл «закладку» новой порцией чурбаков.

Бумага занялась быстро. Вскоре от беспокоивших Карпова улики остались только черные комки. В этот момент в гостиную и вошла Кристина.

– Вам холодно? – спросила она.

– Да нет. Просто у меня никогда не было камина, – спалил «домашнюю заготовку» Карпов. – И, думаю, вряд ли будет когда-нибудь. Почему не воспользоваться моментом?

Он давно убедился: лучший способ соврать – умолчать о главном и сказать чистую правду об остальном.

Кристина подошла ближе.

– Значит, рукописи все-таки горят?

Геннадий Иванович оценил ее проницательность, но теперь бояться было уже нечего.

– Рукописи – нет, черновики – запросто. Особенно те, которые ничего не стоят.

– У вас творческий кризис?

Карпов взглянул на Кристину. Вроде бы в ее голосе не было ехидства, но эту тему он обсуждать с ней точно не собирался.

– Вы когда-нибудь были в Египте? – спросил он, чтобы увести разговор в сторону.

– Конечно была. А вы?

«Конечно» Карпова покорило. Ну разумеется. Для этих людей Египет – что-то вроде Жуковки. Как можно там не побывать?

– Представьте себе, тоже.

Помощница Сергеева не отреагировала на это «представьте себе».

– И как? Вам понравилось?

– Не особенно.

– Почему?

– Потому что Египта больше нет.

– То есть?

– Современный Египет – это... как если бы Алоизий Могарыч, выселив из подвала Мастера, так и остался там жить. А потом его предприимчивые внуки устроили бы в подвале музей Мастера, называя себя его потомками, потому что столь успешный бренд отлично продается. Впрочем, вы вряд ли знаете, кто такой Алоизий Могарыч⁵.

– Всего хорошего, – Кристина направилась к выходу. – Пора идти, пока тьма окончательно не накрыла великий город.

Карпов обернулся ей вслед. Он почувствовал себя полным идиотом. Ну разумеется. Женщина, которая произнесла «Значит, рукописи все-таки горят?», не могла не знать, кто такой Алоизий Могарыч⁶.

– Кристина... – Геннадий Иванович догнал ее у дверей. – Простите, не знаю вашего отчества. Извините меня. Я весь на нервах. Вам ли не знать – почему?

– Извиняю. Следите за вентиляцией, а то весь дом будет в дыму. Кстати, настоящий Египет есть. Но он открывается не каждому.

Вентиляцию Карпов так и не нашел. По-видимому, она работала автоматически. Зато он нашел кое-что другое – сюжет.

«Настоящий Египет есть».

Геннадий Иванович вспомнил, как отправился в пирамиду Менкаура, самую маленькую из Великих пирамид. И как не смог дойти даже до середины прохода. Какая-то невидимая сила буквально вытолкнула его наружу.

«Он открывается не каждому».

Так и есть. А если кому-то очень хочется его открыть?

Постепенно Карпов забыл про свои черновики, от которых остались лишь ошметки пепла, и вентиляцию. Он впервые забыл даже о том, о чем до сих пор не забывал ни на минуту – о висевшей над ним угрозе смерти. Мыслями Карпов улетел далеко – к сухим ветрам, бросавшим песок на древние камни...

Он вернулся в кабинет, оставив пламя умирать в камине.

Что там говорил Лучинский? Нужен герой. Кто он? Египтянин из нынешних? Ни за что. Он англичанин. Англичанин, чья бабушка была египтянкой. Причем царских кровей. Кто он по профессии? Археолог? Нет. Моряк. Моряк, чей корабль пришел в страну предков. Страну, в которой раньше он не был никогда...

Карпов вывел компьютер из спящего режима и быстро набрал первую фразу:

«Через сутки наша “Катарина” должна была сняться с якоря...»

⁵ Алоизий Могарыч – герой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

⁶ «Рукописи не горят», «Тьма накрыла великий город» – цитаты из романа «Мастер и Маргарита».

Глава седьмая

3 июня

14.45

На журнальном столике лежали две рукописи. Опус Лучинского выглядел куда более внушительно. Это немного нервировало Геннадия Ивановича, хотя Сергеев и предупреждал, что размер не имеет значения.

За прошедшие дни никто из посторонних в коттедже так и не появился. По-видимому, переброшенная через забор «посылка» осталась лежать в траве ненайденной. Либо соседи оказались людьми, предпочитающими не искать проблем на свою голову. В кармане пиджака Карпова все еще оставался запасной экземпляр, но повторять опасный эксперимент расхотелось. К тому же Геннадий Иванович не на шутку увлекся египетской историей. В первые два-три дня ему еще трудно было сконцентрироваться на сочинительстве – каждый посторонний звук заставлял насторожиться – попробуй сосредоточиться в таких условиях. Но творческий раж все же взял свое по мере того, как угасала надежда на иной вариант развития событий.

Против ожиданий, писать беллетристику – даже в столь нестандартных условиях – оказалось очень интересно! Черновой вариант рассказа родился довольно быстро, дней за пять. Потом Карпову показалось, что сюжету не хватает жанровых атрибутов. Он спешно нашел в библиотеке книгу по Древнему Египту и «украсил» текст нужными деталями. Теперь Геннадий Иванович жалел об этом, поскольку нарушил правило, подсказанное Лучинским.

«Не думай о жанре. Думай о герое. Сочини историю».

Пока Карпов следовал правилу, история вела его за собой. Стоило ли соваться туда с исправлениями? Имей он немного времени, Геннадий Иванович вернул бы все назад. Но вчера они сообщили Кристине, что рассказы готовы. И теперь Сергеев сидел перед ними.

– Куда я должен отправить рукописи? – спросил он.

Лучинский протянул листок.

– Хорошо. – Сергеев спрятал в кейс лист с адресами и потянулся за рукописями, но в последний момент передумал. – Кстати, любопытно... – Он откинулся на спинку мягкого кожаного кресла и с интересом посмотрел на литераторов. – Вы обменялись между собой мнениями по поводу написанного?

– Нет, – ответил Лучинский. – Геннадий Иванович – любитель причесывать слова до последнего. Так что у нас не было такой возможности.

– Правда? Тогда у меня предложение. Давайте прочтем рассказы вслух.

– Вслух? Зачем? – не понял Карпов.

– Мне интересно услышать ваше взаимное мнение.

– Это очередное обязательное условие?

– Нет. Всего лишь просьба.

– Тогда я предпочту оставить свое мнение при себе.

– Но почему? Разве вы не обсуждаете между собой литературные новинки? Или в сообществе профессионалов трудно рассчитывать на искренний ответ?

– Сейчас и узнаем. – Лучинский взял со стола свою рукопись и, надев очки, начал:

– «Время волков». Бран, Румыния, замок графа Дракулы, наши дни...⁷

15.55

– «Георге, словно не заметив этого, продолжал идти дальше...» – закончил чтение Лучинский.

⁷ Рассказы, написанные П. Лучинским, приведены во 2-й части книги.

Аккуратно сложив листы, он спросил Сергеева:

– Что скажете?

– Мое мнение вряд ли представляет интерес. А что скажете вы, Геннадий Иванович? – Сергеев повернулся к Карпову. – Вы бы рекомендовали этот рассказ к печати?

Тому сразу стало неловко.

– Это некорректный вопрос.

– Почему? Разве вы не отвечаете на такие вопросы постоянно? Или вы привыкли делать это заочно, а не тогда, когда автор сидит рядом?

Карпов почувствовал себя задетым.

– Какая разница, где находится автор? Просто я, как вам известно, не считаю себя специалистом в этом жанре.

– В таком случае, выскажите мнение неспециалиста.

– Давайте, режьте правду-матку, – подбодрил Лучинский.

Геннадий Иванович понял, что от него не отстанут.

– Что ж... Текст написан вполне профессионально, – Карпов начал со слов, которые при всем желании нельзя было поставить под сомнение. – Я только не понял, каким вы видите финал. Это мистическая история, или события имеют реальное объяснение?

– А черт его знает, – беспечно бросил Павел Борисович. – Пусть читатель сам решает.

Карпов не придумал, что бы еще спросить, не задев самолюбия автора.

Олег Михайлович пристально посмотрел на него.

– Признаться, я разочарован. Мне кажется, вы решили пощадить коллегу из чувства корпоративной солидарности. Я прав?

Карпов не успел ответить.

– Корпоративная солидарность? – усмехнулся Лучинский. – Вы плохо знакомы с нашей корпорацией. Отхлестать коллегу по щекам – самое милое дело. Только дай повод.

– Но в своем кругу! – не удержался от реплики Карпов, не сообразив, что этим выдает свои истинные мысли.

– А! Вот мы и услышали подлинную рецензию. – Сергеев в очередной раз проявил проныцательность. – Что ж, теперь давайте послушаем вашу историю.

Геннадий Иванович прокашлялся. Ему категорически не хотелось ничего читать, но теперь, после того как он выслушал рассказ Лучинского, отказать было нельзя. Во рту немедленно пересохло.

– Можно мне попросить воды?

– Да, разумеется. Кристина...

Помощница возникла на пороге, словно только и ждала, когда ее позовут. Сделав глоток, Карпов взял в руки первую страницу и выдал из себя эпиграф. Слова шли плохо, как паста из засохшего тюбика. И были столь же отвратительны на вкус.

– «О фараон, ты Великая звезда, которая пересекает небо с Орионом, которая правит Миром небытия с Осирисом; ты поднимаешься с востока небес, обновляясь в надлежащий срок, и становишься молодым в должное время...»⁸

16.35

Произнеся последнюю фразу, Карпов положил рукопись на стол, стараясь не встречаться ни с кем взглядами.

– Павел Борисович, ваше мнение? – поинтересовался Сергеев.

– Вяло. Не хватает драйва.

Геннадий Иванович дернулся, как ошпаренный.

⁸ Рассказы, написанные Г. Карповым, приведены в 3-й части книги.

– Что?

– Он у вас просто идет по коридору и обливается потом от страха. Где события? Откуда прикажете читателю черпать эмоции?

– Ожидание событий может вызвать куда больше эмоций, чем сами события. Вспомните «Сталкер» Тарковского.

– Зачем? Я не занимаюсь подражательством.

Карпов вспыхнул.

– Вы считаете, я им занимаюсь?

– Вы сказали про Тарковского, не я. И зачем вам понадобился американец? Он никак не развивает общую идею. Просто начали одну историю, потом бросили ее за ненужностью и принялись за другую. Я бы это не напечатал.

Карпов совершенно потерял дар речи. Он и подумать не мог, что его так непринужденно растопчут прямо на глазах – и у кого?!

Сергеев протянул руку за рукописью.

– Так или иначе, рассказы написаны, а определять их судьбу будут другие. – Олег Михайлович убрал рукописи в кейс и покосился на Карпова: – По-моему, вы приняли слова коллеги слишком близко к сердцу. Это лишь мнение одного человека.

– И этот человек мог бы держать свое мнение при себе! – взорвался Геннадий Иванович. Лучинский и бровью не повел.

– Вы и впрямь слишком разволновались. Хотите другой отзыв? Запросто. «Рассказ написан хорошим литературным языком. Пристальное внимание автора к личности героя позволяет глубоко проникнуть...»

– Прекратите паясничать! – заорал Карпов.

Критик развел руками.

– На вас не угодишь.

Сергеев встал.

– Рассказы будут отправлены сегодня же.

Он повернулся к Лучинскому.

– По-прежнему считаете, что вам достаточно одной работы?

– Посмотрим, – ответил тот. – Я, кажется, вошел во вкус. Тем более, сидеть здесь без дела – со скуки помереть можно. Или спиться.

– Что вы тут устроили?! – накинулся на Лучинского Карпов, как только дверь за Сергеевым закрылась. – Покрасоваться захотелось? Как я теперь, по-вашему, выгляжу в его глазах?!

– Да не все ли вам равно? Решать нашу судьбу будет не он.

– Какая разница? Элементарная порядочность подразумевает...

– О-о, как вы заговорили, батенька... Порядочность! То есть, правду вы знать не хотите? Вам важнее иллюзии?

– Хочу! Но вы могли сказать все один на один, без посторонних! Если не ошибаюсь, у нас с вами было нечто вроде мирного договора.

– Совершенно верно. Но если я не ошибаюсь, то предупреждал, что он не может быть основан на лжи.

Карпов демонстративно отвернулся в сторону.

– Значит, снова развод? – спросил Павел Борисович. – Ну, как знаете. Пить вы не мастер, так что переживу.

Он ушел, прихватив из бара очередную бутылку. Запасы хозяева пополняли неукоснительно.

Карпов ощущал себя рыбой, выброшенной из воды на берег. Даже хуже. Рыбу, оказавшуюся на берегу, можно вернуть в море, и она снова оживет. А как ожить ему? Неужели он действительно не в состоянии сочинить и написать даже короткий рассказ? О каком романе тогда может идти речь?

«Нет драйва... Где события?... Вы начали одну историю, а потом бросили ее и принялись за другую...»

Возможно, со стороны критика это была только поза, желание покрасоваться перед сильными мира сего? Или все-таки правда? Геннадий Иванович почувствовал, что ему становится душно. Он открыл окно в кабинете, но это не помогло. Душили стены. Или ему так казалось? Карпов накинул пиджак – вечерами еще было холодновато – и отправился на прогулку.

Возле дома он заметил Кристину. Одета в затертые джинсы и клетчатую мужскую рубашку с закатанными рукавами, та копала яму посреди газона. Внушительная горка свежей земли высилась рядом. Поодаль на траве в окружении открытых мешков лежал саженец какого-то дерева. В Геннадии Ивановиче немедленно проснулся джентльмен.

– Вам помочь? – спросил он.

Кристина обернулась.

– Помочь? – Она воткнула лопату в землю. – Женщине, которая вряд ли знает, кто такой Алоизий Могарыч?

Карпов подошел ближе.

– И сколько вы намерены меня этим попрекать?

– Не берите в голову. В любом случае, одежда у вас не для земляных работ.

– Что с того? Если испорчу – ваш хозяин купит мне новую. Ведь мы здесь на полном пансионе.

Кристина подняла с земли дерево.

– Термин выбран неудачно. Олег Михайлович мне не хозяин.

– Тогда и вы не берите в голову. Давайте хоть дерево подержу.

Карпов положил пиджак на ближайшую скамейку и взялся за саженец, но тут же отдернул руку. Дерево оказалось колючим. Кристина сняла перчатку с левой руки.

– Держите.

Перчатка, разумеется, была Геннадию Ивановичу мала, но для этих целей годилась. Он осторожно обхватил дерево за ствол.

Кристина засыпала дно ямы гравием.

– Я думал, в таких домах для этих целей держат садовника, – заметил Карпов.

– И вы не ошиблись. Но у некоторых людей бывают увлечения. Ставьте.

– По-моему, сначала нужно полить.

Кристина посмотрела на литератора.

– Мы что, родственные души?

– Нет. Моя мама... увлекалась садоводством. Я часто ей помогал.

– Что ж, послушаем вашу маму.

Кристина отошла и вскоре вернулась с лейкой. Карпов осторожно поставил дерево в яму. Расправив корни, Кристина забросала их землей, а потом, присев на корточки, принялась разравнивать грунт. Геннадий Иванович, убедившись, что саженец стоит крепко, опустился рядом. Каждый из них мог работать только одной рукой, одетой в перчатку. Поскольку руки были разными, плечи невольно соприкасались. Это повергло Карпова в смущение. Давненько ему не приходилось находиться так близко от красивой молодой женщины. Геннадий Иванович осторожно скосил глаза – и еще больше смутился, поскольку расстегнутая на две пуговицы рубашка открывала рискованные перспективы. Он поспешно отвел взгляд.

– Как вы объяснили маме свое отсутствие? – Кристина попыталась сбросить со лба непокорную прядь, но влажная кожа не отпускала волосы. – Или вы не настолько близки, чтобы в этом нуждаться?

– Моя мама погибла. Уже давно.

– Простите. Не знала.

– Я думал, вы знаете о нас все.

– Ко мне это не относится. – Кристина выпрямилась и сняла с руки перчатку. – Готово.

Теперь надо снова полить.

Карпов послушно поднял лейку.

– А теперь идемте ужинать, – Кристина собрала инструменты. – Я ужасно голодна. Только сначала – в душ.

Вообще-то Геннадий Иванович собирался пропустить ужин, чтобы не встречаться с Лучинским. Но теперь он не решился возразить. Да, в общем-то, ему и не хотелось.

20.15

Женщина, только что вышедшая из душа, выглядит как Венера, родившаяся из пены морской.

«И почему мне казалось, что она похожа на киборга?» – подумал Карпов, когда Кристина появилась в столовой, одетая вполне по-домашнему. Длинные волосы, наскоро собранные в хвост резинкой, лишили ее последнего сходства с героиней культового блокбастера.

К радости Геннадия Ивановича Лучинский уже поел. Прислуга, по-видимому, решила, что второй постоялец сегодня не придет и убрала со стола. Но для закоренелого холостяка не составило труда восстановить сервировку, изучив содержимое окружающих шкафов и бездонного холодильника. Нарезать колбасу и сыр, помыть овощи, вскипятить чайник – все это Карпов проделал на автомате.

Кристина придирчиво оглядела стол.

– Что ж, предварительную подготовку оцениваю на четыре с плюсом. Осталось добавить совсем немного.

В числе немногого на белоснежной скатерти появились грибы, красная рыба, икра и поджаренные ломтики хлеба, словно по команде выскочившие из тостера, когда Кристина ставила на стол последнюю тарелку.

– Я предпочитаю пить чай сразу. Вам налить?

Карпов согласился, хотя чай не очень жаловал, предпочитая кофе. Приглашений к трапезе никто не делал. Они просто сели за стол и начали есть.

– О чем будете писать дальше? – спросила Кристина. – Уже решили?

– Нет. После сегодняшнего... творческого вечера писать не так-то просто.

– Хотите знать мое мнение?

– Ваше? – удивился Геннадий Иванович. – А вы разве...

– Да, я слышала, как вы читали. Мне понравился ваш герой.

– Герой. – Карпов уловил разницу. – Не рассказ.

– Не придирайтесь. Рассказ как рассказ. А вот герой... с ним бы я с удовольствием встретила еще раз. У нас, девочек, свои критерии.

– Спасибо. – Геннадий Иванович посмотрел на собеседницу с подозрением. – Если это, конечно, правда, а не фальшивый комплимент из сострадания.

Кристина доела бутерброд и облизала губы.

– Геннадий Иванович, у меня нет причин вам сострадать.

Карпов почувствовал, как его только что поставили на место.

– Да, действительно. Я забыл, кто есть кто в этой истории. – Он отодвинул от себя чашку и встал.

– Сядьте, – невозмутимо сказала Кристина. – Где-то должен быть яблочный пирог.

Пока она ходила за десертом, Геннадий Иванович вполне мог уйти к себе, но остался.

– Ваша мама... Что с ней случилось? – спросила Кристина, когда пирог был разрезан и разложен по тарелкам. – Хотя, это, конечно, не мое дело...

– Они ехали на дачу. Вместе с отцом и другими. Маленький автобус от института. Их сбил КамАЗ, выехавший на встречу. Погибли только двое. Мои родители. Они сидели в первом ряду. Погибли не сразу. Мама – на третий день, отец – на седьмой.

– Боже...

Карпов допил из сухой чашки несуществующий чай.

– Дачу я продал. Слишком много воспоминаний. Квартиру тоже хотел поменять. Но решил, что это уже будет предательство. До сих пор там живу.

Повисла пауза. Геннадий Иванович и так сказал больше, чем хотел.

«Сейчас она, конечно, будет говорить, как ей жаль», – подумал он.

Но Кристина сказала совсем другое.

– Знаете, у меня есть для вас профессиональный совет.

– Профессиональный?

– Да. По образованию я филолог. Это вас удивляет?

– Нет. Сейчас мало кто работает по профессии.

– Так вот, совет. Вам нужно писать о людях.

– То есть?

– Пишите о тех, кто вам небезразличен. Это может быть близкий или совсем далекий человек, но тот, без кого вам трудно представить свою жизнь.

Карпов растерялся.

– А... почему?

– Мужской вопрос. Даю вам на него женский ответ: потому что мне так кажется.

Глава восьмая

4 июня

10.32

Накануне вечером Карпов не садился за компьютер, хотя точно решил писать дальше. Пренебрежительная рецензия Лучинского на первый рассказ в конечном итоге только раззадорила его. Когда схлынула обида, а потом унялся очередной приступ самоуничтожения и неуверенности в себе, на первый план вышло задетое самолюбие. Он все же напишет рассказ, который понравится кроме него еще хотя бы одному человеку. Впрочем, одному человеку понравилась и «Пирамида».

«Не преувеличивай. Понравился не рассказ – герой», – напомнил себе Карпов.

Вчерашние слова Кристины обнадежили и озадачили его одновременно. Что значит: «Пишите о людях, которые вам небезразличны»? Созданные им персонажи по определению не безразличны автору. Писать о близких? Это уже мемуары. К тому же одних близких у Геннадия Ивановича не стало уже давно, а другие как-то не завелись.

И потом, никуда не деться от условий игры. Кого из тех, без кого он не может представить свою жизнь, отправить в Турцию? Обожаемого им Булгакова? Бред какой-то...

Утро, вопреки пословице, не стало мудренее вечера. Включенный компьютер ничего не изменил. Не было героя, не было истории, не было ничего.

За дверью послышался грохот, а сразу за ним – крик Лучинского. Карпов выскочил из-за стола.

Павел Борисович сидел на полу под лестницей, держась за левую руку. Лицо его перекосила страдальческая гримаса.

– Что случилось?!

– Что случилось? А вы не видите? Я упал с лестницы и, кажется, сломал руку.

– Господи...

В гостиную вбежала Кристина. Оценив обстановку, она склонилась над пострадавшим.

– Дайте, я посмотрю.

– Вы что, еще и врач? Оставьте меня в покое!

Критик попытался отвернуться и тут же вскрикнул от боли.

– Как вас угораздило-то? – Геннадий Иванович с участием посмотрел на побледневшего Лучинского.

– Понятия не имею. Сто раз ходил по этой лестнице взад-вперед, а тут оступился. Нога подвернулась.

– Пить меньше надо, – заметила Кристина. – И ничего не подвернется.

– А это не ваше дело! – огрызнулся критик. – Помогите мне встать, – попросил он Карпова. – Слава богу, левая. И слава богу, я не левша.

– Но как же... – подхватывая Лучинского под здоровое плечо, Геннадий Иванович сообразил, какие последствия может иметь это падение. – Если придется ехать в больницу...

– Не придется, – перебила Кристина. – Врач приедет сюда.

11.02

«Скорая» прибыла на удивление быстро. Видимо, подстанция находилась неподалеку.

– Сильный вывих, – успокоил врач, осмотрев поврежденную конечность. – Когда падали – инстинктивно выставили руку вперед. Вот кисть и подвернулась.

– Вы уверены, что это не перелом? – спросил Карпов.

– Однозначный ответ может дать только снимок, но я пока не вижу в нем необходимости. Сделаем обездвиживающую повязку. Несколько дней покоя – и все должно пройти.

Когда процедура завершилась, Лучинский попробовал подняться с дивана. Внезапно в углу гостиной на полную громкость включился телевизор. Все повернулись к нему.

– Извините, я, кажется, сел на пульт. – Павел Борисович достал из-под себя «лентяйку» и выключил телевизор. – Спасибо, доктор. Можно узнать вашу фамилию? Хотелось бы встретиться с вами в иных обстоятельствах. Я умею быть благодарным по отношению к тем, кто мне помогает.

«Даже здесь не удержался, чтобы не подчеркнуть свою значимость», – с досадой подумал Карпов.

– Мальцев Роман Иванович, – ответил врач. – Насчет благодарности не беспокойтесь. Это мой долг.

– И мой тоже, – заметил Лучинский. – А в должниках я хожу недолго.

В сопровождении Кристины медик покинул дом.

Павел Борисович заметно повеселел. Он подмигнул Карпову:

– Нет худа без добра. Кажется, в результате этого инцидента между нами вновь восстановился мир. Прекратим играть в молчанку?

Геннадий Иванович не стал возражать. Критик, конечно, невыносим, но сейчас они – товарищи по несчастью.

– Вы уже что-нибудь написали? – спросил он.

– Пока нет. Всегда долго раскачиваюсь. Даже если меня ничто не отвлекает, могу часами ходить вокруг компьютера. А если еще учесть, какая прекрасная коллекция напитков в этом доме. – Лучинский посмотрел на Карпова: – Вы тоже считаете, что я много пью?

– Это не мое дело, – уклонился от ответа Геннадий Иванович.

– Да уж, откровенность – не в числе ваших приоритетов, – усмехнулся Лучинский. – Но на этом пункте мы с вами уже дважды сцепились, так что сменим тему. Не хотите проветриться?

– А вам разве...

– Почему нет? Я ведь повредил руку, а не ногу. Идемте, а то меня опять потянет навестить бар.

Лучинский поднялся с дивана, на сей раз даже не поморщившись. Видно, доктор и впрямь оказался хорошим специалистом.

11.40

– Вы действительно считаете, что «Пирамида» никуда не годится? – не удержался от вопроса Карпов, когда они вышли на тропинку, причудливым зигзагом огибавшую дом.

– Голубчик, да какая вам разница? Ведь Сергеев прав. Это лишь мнение одного человека.

– Это мнение человека, который разбирается в литературе.

– И что с того? Вы определитесь для себя, что вам сейчас важнее: сказать новое слово в литературе или чтобы вас не убили. Напечатают – и слава богу. С литературой потом сочтетесь.

– Хотите сказать, напечатать могут заведомую дрянь?

Лучинский уставился на него с изумлением.

– Вы сейчас с этим вопросом серьезно? Будто сами не знаете: процентов восемьдесят из напечатанного – дрянь несусветная.

– Так уж и восемьдесят.

– Ага! Заметьте, дискуссия только о проценте. Да что там далеко ходить. У вас в «Звезде» мало дряни?

– Материалы, которые проходят через мои руки...

– Ваши коллеги – циники и взяточники?

– С чего вы взяли?

– Раз они пропускают то, что вы, как я понял, не пропустили бы никогда, приходится думать...

– Возможно, у них просто другая точка зрения.

– Вот! То, что вы услышали от меня – моя личная точка зрения. А у редактора – куда вы там послали свою «Пирамиду»? – может быть совершенно другая.

– И все же вы считаете, что рассказ никуда не годится, – упрямо повторил Карпов.

– Опять двадцать пять! Да что ж у вас на мне свет клином сошелся?!

– Потому что вы – профессионал. Мнение профессионала важно.

– Чем? Вы разве пишете для профессионалов? Если ваше сочинение придется по душе человеку без диплома филфака, это не доставит вам удовольствия? Любому писателю нужно в первую очередь знать, что его читают. И уже во вторую – кто.

– Но разве можно не обращать внимания на мнение тех, кто состоялся в профессии?

– Как же вы узнаете их мнение, позвольте спросить?

Карпов посмотрел на Лучинского с недоумением.

– Множество писателей, как вам известно, терпеть не может своих коллег, – продолжил тот. – Поэтому получить объективный отзыв – большая редкость. Конечно, кто-то способен высказаться и объективно. Но это ж надо догадаться, кто до такого снизошел, а кто просто с удовольствием харкнул вам в душу. А кто-то наоборот: в глаза похвалил, а сам думает: «Редкостное дерьмо!» Что же касается критиков, у нас иная стезя. Мы – как фармацевты среди врачей. Образование почти то же самое, но людей лечить нельзя. Между прочим, как маститый критик, сейчас я сам себя опровергну. Для кого пишет писатель, по-вашему?

– Я полагал – для людей. Но вы, кажется, намерены доказать иное.

– Запросто! Писатель пишет для себя. В лучшем случае, для узкого круга своих близких. Как можно писать для тех, кого ты в глаза не видел и понятия не имеешь: чем они живут, о чем думают? Нет, конечно, если среди миллионов этих неизвестных вдруг найдется достаточно любителей твоих произведений – жизнь удалась. Настоящий писатель – тот, кто пишет для себя так, что это интересно другим. А если пытаться подладиться под мнение специалиста... Давайте присядем.

Лучинский опустился на скамейку возле цветочной клумбы, мимо которой они проходили. Карпов пристроился рядом.

– Тем не менее сейчас нашу судьбу решают именно дипломированные специалисты, – заметил он. – И с этим мы ничего не можем поделать.

– Если так думать, то конечно.

– А если думать иначе – нет? Вы верите в материализацию мыслей?

– Я верю в себя. И в счастливый случай. Хотя, случаю иногда не грех и помочь. Даю бесплатный совет. Зашифруйте свою фамилию в первых буквах абзацев. Лично я так и поступил. Конечно, шансов на то, что редактор или рецензент это заметят, немного, но вдруг попадется кто-нибудь пытливым. Сколько страниц вы уже написали? – переменял тему критик.

– Ноль, – мрачно ответил Карпов.

– Жанр по-прежнему довлеет над вами? Сколько раз нужно повторять: не думайте о нем! Пишите, как хотите. Но обязательно заверните все в яркую обертку. Скормите ваши мысли так, чтобы читатель проглотил их в один присест. Помните, как в «Операции «Ы»» Шурик потчевал собаку таблетками, пихая их в колбасу?

– Конечно. И еще я помню, что собака съела колбасу, а таблетки остались.

– Будьте изобретательней.

– Это легко сказать. Как совместить несовместимое?

– Да запросто! Что вы читали в последнее время из серьезного?

– В последнее время? – Карпов задумался. – Статью профессора Кушнера.

– О чем она?

– О Моцарте и Сальери. Кушнер очень убедительно доказывает, что Сальери не мог отравить Моцарта⁹. И я с ним полностью согласен, поскольку всегда считал...

– Замечательно! То, что надо. Знаменитости, отравление... Голубчик, да вы просто сидите на сокровище! У вас есть тема, есть материал. Осталось придумать обложку. Хотите, сделаю это за вас? Минуту... – Критик наморщил лоб, немного пожевал губами... – Допустим, некий падкий на мистику нерадивый студент, который никак не может сдать экзамен по творчеству Моцарта, вызывает дух композитора из его могилы, чтобы узнать то, чего о нем не знает никто. Как?

Карпов посмотрел на Лучинского с подозрением.

– Вы издеваетесь?

– Ничего подобного! Знаете что? Я тоже напишу какую-нибудь историю про кладбище! – В порыве чувств Павел Борисович хлопнул большой рукой о колено и даже не заметил этого. – Посмотрим, у кого получится лучше. Конкуренция всегда рождает азарт. – Критик завелся не на шутку. – Нужен лишь арбитр, который присудит победу. Сергеев не подойдет, у него свои игры, в нашу он играть не станет. А что, если...

Лучинский заметил Кристину, которая возилась в саду со вчерашним деревом.

– Вот! Идеальный выбор! Согласны? Возможно, в этом случае у вас будет даже некий гандикап, потому что меня эта дама терпеть не может. Ну же, Карпов! Соглашайтесь!

Геннадий Иванович несколько самонадеянно подумал, что после вчерашней вечерней беседы у него действительно есть некий гандикап. И согласился.

«Не по-джентльменски? Так с волками жить – по-волчьи выть!» – ответил он своей совести. Совесть поворчала и отстала.

17.30

Работа кипела вовсю. Стол Карпова покрывали книги, снятые с полок.

У быстрого согласия Геннадия Ивановича на предложение Лучинского имелась еще одна причина. Оно удивительным образом совпало с тем советом, который накануне дала Кристина. Антонио Сальери, конечно, не был человеком, без которого Геннадий Иванович не мог представить жизнь. Но он занимал в ней довольно существенное место. Покоренный творением Пушкина о гении и злодействе, Карпов в свое время заинтересовался историческими нюансами трагедии, и быстро обнаружил, что великий поэт ради красного словца, то бишь увлекательного сюжета, совершенно незаслуженно оболгал замечательного композитора Сальери, на века приклеив к тому ярлык завистника и убийцы. За Пушкиным последовали другие. Но это не умаляло вину пиита. Гений особо ответственен за дела свои, ибо ему внемлют толпы. Какое-то время у Карпова все же оставались сомнения в невиновности Сальери, но статья профессора Кушнера, которую он упомянул в разговоре с Лучинским, развеяла их без следа. Почему бы не написать о человеке, чья несчастная судьба так близко его задела? Правда, главным героем рассказа будет Моцарт (кто сейчас помнит Сальери, а Моцарта знают все), но это даже хорошо: Моцарт станет отличной «колбасой». Еще недавно такое грубое сравнение покорило бы Карпова, а сейчас он и глазом не моргнул.

Дело оставалось за антуражем. В Вене Геннадий Иванович не был никогда. Что ж, в его кабинете – отличная библиотека. Она наверняка не подведет. И она действительно не подвела.

⁹ Кушнер Б. В защиту Антонио Сальери. «Вестник», № 14–19 (221–226). Балтимор, 1999.

Глава девятая

16 июня

14.20

Никто из литераторов до последнего не решился сказать Кристине, какая роль ей уготована. С одной стороны, обоим обуял азарт соперничества. С другой, куда сложнее отказать, когда тебе предлагают оценить уже выполненный ради этого труд, а не тогда, когда трудиться еще не начинали. Разговор состоялся лишь час назад, во время обеда.

Кристина согласилась. Причем довольно легко. Почему – догадаться было несложно. Тюремщик – человек свободный, однако тоже находится в тюрьме, а в тюрьме не так-то много развлечений. К тому же какой женщине не захочется посмотреть, как двое мужчин бьются на дуэли?

– Кто первый? – спросил Лучинский, когда они собрались в гостиной.

Его левая рука уже освободилась от повязки. Последствия вывиха, как и предсказывал врач, прошли быстро. Все время, минувшее с момента беседы на скамейке у клумбы, критик находился в прекрасном настроении. Карпов поражался его уверенности в конечном успехе. Сам он забывался лишь в часы работы, которая, правда, и в этот раз захватила с головой. Теперь уже его рассказ оказался чуть ли не вдвое больше по объему, и Лучинскому пришлось несколько дней ждать, пока конкурент закончит работу. Возможно, поэтому Геннадий Иванович галантно взял на себя первый удар.

– В прошлый раз начинали вы. Теперь, видимо, моя очередь.

– Пожалуйста.

Карпов сидел в кресле у столика. Кристина устроилась на диване рядом с Лучинским. Геннадия Ивановича это слегка расстроило.

«Не странно ли так волноваться перед вердиктом одного случайного человека, когда другие люди держат в руках твою жизнь?» – только лишь подумал он.

Потом прокашлялся и начал:

– «Ритуал». «Кафетерий на территории университетского городка практически пустовал...»

Шифровать в тексте свою фамилию по примеру Лучинского Карпов не стал. Даже если рецензент и разгадает столь сложный ребус, кому что скажет фамилия Карпов?

15.25

Как только Геннадий Иванович произнес последнюю фразу, раздались аплодисменты Лучинского.

– Bravo! Я был уверен: у вас получится. – Он повернулся к Кристине: – Вам понравилось?

– Вряд ли мне стоит высказывать свое мнение до того, как я выслушаю обоих.

– Почему же? Разве ваш положительный отзыв на что-то повлияет? Вам могут понравиться оба рассказа. Вопрос ведь в том, чей больше. Зато Геннадий Иванович сможет спокойно слушать меня, а не сидеть как на иголках.

– Если я скажу, что рассказ мне не понравился – не сможет.

Сердце Карпова ухнуло вниз.

– Вам не понравилось?

– Видите, Павел Борисович? – Кристина бросила на критика укоризненный взгляд. – Я еще ничего не сказала, а ваш коллега уже расстроился.

– Я вовсе не расстроился... – начал Карпов, будучи полностью уверен в обратном.

«Ей не понравилось. Это точно. И я знаю – почему».

Дело было в Лучинском. Тот закончил свой рассказ за неделю и потом то ли помогал (как уверял он сам), то ли мешал (как считал Геннадий Иванович) Карпову. Прочитав черновик «Ритуала», Павел Борисович решительно заявил, что мистический антураж требует усиления, и раздобыл где-то цитаты из древних книг вместе с обстоятельным описанием церемонии вызывания мертвых. Геннадий Иванович сопротивлялся до последнего, но в итоге позволил убедить себя включить все это в рассказ. Как и в случае с «Пирамидой», он быстро начал сомневаться в том, что поступил правильно. И теперь подтверждение этим сомнениям получено.

– ...но никто не просил вас влезать со своими репликами, – закончил Карпов.

– Вот спасибо! – отреагировал Лучинский. – Не зря говорят: ни одно доброе дело не остается безнаказанным. В прошлый раз я разделал вас под орех – вы обиделись. Сегодня выразил поддержку – опять не слава богу. Ладно. Продолжим...

Павел Борисович взял в руки собственную рукопись.

15.55

– «...Ведь Збигнев от рождения был глух», – закончил чтение Лучинский.

– Все? – спросил Карпов.

– Все.

– Ничего себе концовочка. Прямо мороз по коже.

– На то и рассчитано. Ну что ж, – критик повернулся к Кристине, – теперь настало время узнать...

Но узнать им ничего не удалось, потому что в этот момент раздался совсем другой голос:

– Согласен с Геннадием Ивановичем, финал весьма зловещий.

У входа, в очередной раз подтвердив свою способность неслышно появляться и исчезать, стоял Сергеев.

– Олег Михайлович? – Лучинского явно не порадовало это появление. – Мы вас сегодня не ждали, – дерзко заявил он. – У нас тут своего рода закрытый показ.

– Я в курсе, – кивнул Сергеев. – Потому и пришел. У меня тоже есть интересный рассказ в детективном жанре. Не возражаете, если поделюсь? Посоревнуемся втроем.

Олег Михайлович подсел к столику, заняв свободное кресло.

«Она ему доложила. Видимо, сразу после того, как мы с ней поговорили», – догадался Карпов. Это неприятно покорибило его. Хотя, казалось бы, почему?

– Неужели вы тоже пишете? – спросил Сергеева критик.

– А вы отрицаете такую возможность? Не удивлен. Впрочем, сейчас речь пойдет о других сочинениях.

Сергеев открыл кейс и достал оттуда маленький конверт, в который вкладывают чайный пакетик некоторые производители.

Внешний вид Лучинского при виде этого обыденного предмета начал меняться, как у снеговика, попавшего под калорифер.

– Знакомая вещь, да? – спросил Сергеев. – Кстати, как ваша рука? Я смотрю, она быстро излечилась.

Карпов ничего не понимал. Кристина, судя по всему, тоже.

– Простите... – она встала с дивана. – Наверное, мое присутствие...

Сергеев недвусмысленным жестом вернул ее обратно.

– Как раз ваше присутствие очень кстати. Прочтите. Лучше вслух.

Он достал из чайного пакета клочок бумаги, плотно исписанный убористым почерком, и протянул помощнице. Карпов нервно слотнул. Если бы он не был уверен: оставшаяся в резерве «посылка» с запиской о террористах надежно спрятана в его вещах, то мог бы подумать, что она каким-то образом досталась Сергееву.

– «Прошу вас позвонить по номеру... – Кристина прочла телефонный номер, – Евгению Когану и передать следующее: “Послал в журнал «Сентябрь» рассказ под псевдонимом Кевин Стинг. Обеспечь публикацию любой ценой. Все объясню позже. Лучинский”». Далее – приписка: «Приложенное вознаграждение – аванс».

Карпов и Кристина перевели взгляды на критика.

– Сие послание было опущено Павлом Борисовичем в карман халата врача, который приехал лечить его руку, – пояснил Сергеев. – Вместе с пяти тысячной купюрой.

Лучинский уже оправился от первого шока и смотрел на Олега Михайловича с нескрываемой злобой.

– Похоже, врачам теперь неплохо платят, раз пять тысяч в качестве аванса его не заинтересовали.

– Данный конкретный врач, насколько мне известно, не жалуется. Как я догадываюсь, падение с лестницы – мистификация?

– Как я теперь догадываюсь, у вас и в доме есть камеры. Так что не делайте вид, будто вы этого не знали.

– Камер в доме нет. Но неужели вы думали, что по вызову приедет обычный врач «с улицы»?

Мозг Карпова быстро обработал поступившую информацию.

«Никакой травмы не было. Он все придумал заранее, чтобы передать записку! Теперь понятно, почему “ушиб” так быстро прошел. Когда же он успел?»

Геннадий Иванович вспомнил про включившийся телевизор.

«Тогда все дружно повернулись на звук. В этот момент Лучинский и опустил записку в карман врача. Не случайно он потом намекнул, что умеет быть благодарным. Я еще подумал: хвастается. Лихо придумано».

Карпова не покорило, что критик не посвятил его в свои планы – он сам недавно поступил так же. Щеки Геннадия Ивановича порозовели по другой причине. Он внезапно осознал: в записке Лучинского речь шла об одном человеке. О нем самом. Хотя ничего не стоило добавить еще пару строк. Похоже, судьба товарища по несчастью Павла Борисовича не слишком заботила...

Карпов бросил на Лучинского красноречивый взгляд, но тот его не заметил.

– Обидно, Павел Борисович, – сказал Сергеев. – Ваша уверенность в своих силах, признаться, вызвала уважение. Кто мог подумать, что она держалась всего лишь на надежде удачно перевернуть карты?

– Хватит! – Лучинский вскочил. Страх, загнанный внутрь, вырвался наружу внезапным порывом. – Хватит надо мной издеваться! Я нарушил ваш шизофренический договор? Так делайте со мной, что хотели!

Сергеев ничем не отреагировал на гневную тираду. Разве только чуть кивнул головой.

– По духу, конечно, нарушили. Но по факту – нет. Иначе я появился бы здесь не сегодня, а гораздо раньше.

Лучинский, чья энергия, не встретив отпора, ушла в пространство без следа, растерянно замолчал. Карпов тоже не понял, что хотел сказать этими словами Олег Михайлович.

– Договор запрещает вам покидать территорию усадьбы и устанавливать связь с внешним миром, – напомнил тот. – Территорию вы не покидали, связаться с кем-либо, кроме моего человека, вам тоже не удалось. А санкции против неудачных попыток сделать это мы не оговаривали. Поэтому с формальной точки зрения наказывать вас не за что. Мое личное отношение к вам после этой... чайной церемонии, конечно, изменилось, но что с того? Я могу забрать рукописи?

Переход на последний вопрос оказался столь внезапным, что ни Карпов, ни Лучинский не ответили. Сергеев понял это по-своему.

– Если хотите еще поработать над ними, передадите позже.

Не протягивая никому руки, на что, впрочем, никто и не рассчитывал, Сергеев вышел из гостиной.

Наступившую паузу все переварили по-своему. Обиженный Карпов тщетно ожидал от Лучинского оправданий – критик демонстративно смотрел в сторону. Кристина встала с дивана.

– Думаю, вряд ли у кого-то осталось желание продолжать.

Никто не возразил, и Кристина ушла.

Лучинский, словно дожидавшийся этого, резко вскочил и бросился по проторенной дорожке к бару. Достав початую бутылку коньяка, он попытался плеснуть спиртное в стакан, но горлышко выбило мелкую дробь о его край. Недолго думая, Павел Борисович запрокинул бутылку над головой.

– Приятного аппетита, – не выдержал Карпов.

– Да идите вы. – Лучинский вытер губы тыльной стороной кисти. Этот жест не вязался с его натурой, но Геннадий Иванович догадывался – истинную натуру критика ему еще предстоит узнать.

Павел Борисович, забрав бутылку, направился к лестнице.

– Только один вопрос, – остановил его Карпов. – Когда вы писали записку, вам было на меня просто наплевать, или сочли, что одну жертву Сергееву лучше оставить?

– А вам какой вариант больше нравится?

Не дожидаясь ответа, Лучинский пошел наверх. Похоже, ответ Карпова был ему неинтересен.

Геннадий Иванович посмотрел на рукопись, лежавшую на столике.

«Чего ждать? Пусть забирает».

Собрав листы в стопку, он отправился искать Сергеева.

16.10

В этой части дома Карпов до сих пор не был ни разу. Дверь столовой, откуда в день их совместного ужина появилась Кристина, вела в еще один обширный зал, по размерам не уступавший гостиной. По стенам здесь висели картины. Судя по всему, из дорогих. Впрочем, откуда взяться в этом доме дешевым работам? Геннадий Иванович невольно засмотрелся на одну из них, изображавшую рассвет на морском побережье южного городка, как вдруг услышал из-за одной двери громкий голос Кристины.

– Ты мог хотя бы сказать мне обо всем заранее.

– Крис, я просто не хотел грузить эту разборку на тебя, – ответил Сергеев. – Вот и все.

«Ты? Крис? Интересная помощница...»

Новые обстоятельства застали Карпова врасплох. Тем временем, разговор продолжался.

– Ой ли? А по-моему, ты хотел еще раз проверить, отдаю ли я себе отчет в том, насколько эти люди достойны своей участи.

– Кристина, милая...

«Еще и милая?!» – Геннадий Иванович подошел поближе.

– Хватит, Олег! Мне вполне достаточно того, что ты рассказал об отце. Раз уж я согласилась тебе помочь, то не передумаю. Хватит во мне сомневаться.

– Я и не сомневаюсь. Мне просто действительно захотелось еще раз показать тебе, какие это люди.

«Люди?» – Карпов с запозданием сообразил, что его поставили на одну доску с Лучинским.

– Прости меня, – добавил Сергеев. – Ты же знаешь, как я тебя люблю.

В разговоре за дверью наступила пауза. Воображение быстро объяснило ее причину.
«Наверняка, целуются».

Геннадий Иванович разумно предположил, что ни Сергеев, ни Кристина не будут рады, если узнают, что он стал свидетелем их разговора, и на цыпочках вернулся в столовую. Про рукопись он даже не вспомнил.

19.30

Лучинский не вышел из своей комнаты к ужину. Видно, упился до беспамьяства. Карпов тоже пришел в столовую с опозданием. Новость о... неформальных отношениях Кристины с Сергеевым его огорошила и немного раздосадовала. Хотя, казалось бы, какое ему до этого дело? Кто она? Сторож-надзиратель. Но думать о том, что Кристина и Сергеев близки, Геннадию Ивановичу было неприятно. Во всяком случае, видеться сейчас с Кристиной ему не хотелось. Но та, слава богу, и не появлялась. Во второй половине дня перед глазами чаще мелькали ее безмолвные ассистенты. «Дроны» явно были высланы хозяйкой на внеочередное дежурство. Кто бы мог подумать, что при всем этом Карпов и Кристина окажутся в столовой практически одновременно?

За стол они сели молча. Здраваться было глупо – виделись, а говорить никому не хотелось.

Геннадий Иванович все же выдавил из себя:

– Добрый вечер.

Кристина ответила тем же.

Ужин прошел в тишине, но, когда Карпов собрался уходить, Кристина сказала:

– У вас нет причин чувствовать себя виноватым.

– Кто вам сказал, что я чувствую себя виноватым?

– Ваш внешний вид. Он довольно красноречив.

«На этот раз пронизательность тебе изменила», – подумал Геннадий Иванович. Виноватым он себя не чувствовал точно, хотя говорить об этом не стал.

– Кстати, если вам интересно, ваш рассказ мне понравился больше.

– Серьезно? – Это признание застало Карпова врасплох. – Спасибо.

«Жаль, Лучинский не слышал», – подумал он и, не без некоторой надежды, стал ждать продолжения.

Но его не последовало. Геннадий Иванович допил кофе и встал из-за стола.

– Всего доброго.

– Всего доброго.

Идя к выходу, Карпов был уверен, что Кристина его остановит. Собственно говоря, где-то внутри он на это даже рассчитывал. Но расчет не оправдался.

Глава десятая

17 июня

02.35

– Карпов! Карпов!

Геннадий Иванович проснулся. Кто-то тряс его за плечо. Спросонья он не сразу понял – кто именно. Наконец, в глазах прояснилось, и он увидел над собой лицо Лучинского. Тот был полностью одет и, похоже, сильно пьян. До сих пор опьянение критика всегда выражалось лишь в том, что он, вне зависимости от количества выпитого, становился более откровенным и язвительным. Но сейчас Павел Борисович выглядел совсем иначе. Кудрявые волосы, и так жившие своей жизнью, торчали во все стороны, будто Лучинский готовился сыграть роль Ярило или египетского бога Ра.

– Проснитесь, Карпов! Я ухожу.

– Что? – Геннадий Иванович привстал. – Уходите? Как это? Почему?

– Потому что вы были правы! Все это – грязный фарс! Никто не собирается нас убивать. Им нужно только поиздеваться над нами, унижить, втоптать в грязь. Они любят тем, как безропотно мы исполняем их приказы, как дрожим от страха перед угрозами. Но больше я не доставлю им этого удовольствия. Я ухожу. Прощайте.

Лучинский двинулся к выходу.

– Подождите!

Карпов попытался вскочить с постели, но запутался в одеяле. Пока он наспех натягивал на себя одежду, Павел Борисович ушел далеко. Догнать его удалось лишь во дворе. Ночная подсветка прорисовывала не только окружающую растительность, но и решительно направляющуюся к воротам фигуру.

– Постойте! С чего вы взяли, что они ничего нам не сделают?

Лучинский обернулся.

– С чего взял? Да если бы все было всерьез, они ни за что не простили бы мне трюк с врачом. Если бы все было всерьез, они бы уже закопали меня где-нибудь в лесу. «Формально вы ничего не нарушили...» Как же!

– Но если вы все же ошибаетесь...

– Если ошибаюсь, они меня так просто не возьмут. Я не последний человек в городе! Завтра же подниму на ноги таких людей, что этот Сергеев полетит в Лондон впереди самолета! Но я не ошибаюсь. Вот увидите. Это все блеф! Дешевый блеф!

Лучинский бросился к воротам. Детекторы, поймавшие движение, зажгли свет.

– Стойте! – крикнул Карпов. – Хорошо, пусть вы правы, но сейчас ночь, вы пьяны...

Если бы Геннадий Иванович не произнес двух последних слов, возможно, ему и удалось бы остановить критика, но теперь...

– Пьян?! Вам не нравится, что я пьян? Так не смотрите! Идите обратно в дом! Пляшите под их дудку! Теперь Кевин Стинг – это только вы! Желаю успеха!

Лучинский нажал на кнопку у ворот. Те послушно поехали в сторону. Из небольшого домика-сторожки вышел охранник. Он лишь наблюдал за происходящим, ни во что не вмешиваясь.

– Не делайте этого! – в последний раз крикнул Карпов.

Но Павел Борисович уже выскочил в образовавшуюся щель. Оказавшись снаружи, он повернулся и развел руки в стороны.

– Эй! Видите меня? Я здесь! Я наплевал на ваш вонючий договор! Что теперь вы со мной сделаете? Убьете? Ну, давайте! Вот я! Я жду! Где же вы?! Не хотите? Так идите к черту!

Критик убежал в темноту.

Карпов растерянно смотрел на распахнутые ворота. Наверное, их нужно закрыть. Возможно, кого-нибудь привлекли громкие крики.

Из дома вышла наспех одетая и явно встревоженная Кристина. Геннадий Иванович повернулся к ней.

– Лучинский ушел. Я пытался отговорить, но он меня не послушал.

– Успокойтесь, вы ни в чем не виноваты. Здесь каждый сам за себя. Кто хочет уйти – уходит. Вы знаете.

– Да. Знаю, – ответил Карпов. – Только хотел бы я знать – что именно.

02.55

Лучинский убежал недалеко. Часто дыша, он остановился посреди дороги и огляделся по сторонам. Пустынные улицы были погружены в темноту. На общественный транспорт в это время рассчитывать не приходилось. Значит, надо ловить машину. Павел Борисович ощупал карманы и удовлетворенно кивнул. Он всегда гордился тем, что даже в пьяном виде способен на трезвые мысли. Идея покинуть коттедж родилась внезапно, но, несмотря на это, бумажник оказался на месте. С деньгами все было в порядке. На Мальдивах Лучинский истратил немного. Правда, большую часть наличных составляли доллары. Но кто из «бомбил» откажется от валюты?

Темноту боковой улицы прорезал свет фар приближающегося автомобиля.

«Мне определенно везет», – обрадовался критик.

Он побежал навстречу свету, но вдруг остановился. Что, если это Сергеев? Ему наверняка уже сообщили. Что, если это он или его люди? Свет становился ярче. Место было безлюдным, следующая машина могла показаться нескоро. Лучинский заметил невдалеке большой куст и кинулся туда.

Когда он затаился среди ветвей, к свету фар уже присоединился шум двигателя. Наконец, показалась машина. Павел Борисович не сдержал радостный крик. Полицейский «форд»! Не веря в удачу, Лучинский выскочил из-за кустов.

Сержант за рулем «форда» еле успел нажать на тормоз, увидев перед капотом возникшего невесть откуда человека.

– Твою мать! – Когда машина остановилась, он рванул на себя ручку двери и выскочил наружу. – Куда лезешь, чмо?!

Павел Борисович имел особенность, которая часто доставляла ему неприятности. Он не выносил ругательств в свой адрес. В голове тут же клинило, и Лучинский терял контроль над собой.

– Что вы себе позволяете! – возмутился он и на этот раз.

Сержант принюхался.

– Эге! Да ты, мужик, пьяный.

Из машины появился напарник, доставая на ходу дубинку.

– Быстро положил руки на капот! – крикнул он.

Павел Борисович закусил удила. Раз в месяц ему доводилось встречаться «за рюмкой чая» с влиятельным генералом МВД, и вынести хамство рядовых полицейских он не мог себе позволить.

– Как вы смеете?! Да вы знаете, кто я такой?! Вы у меня завтра улицы подметать будете! Я...

Он не успел закончить фразу – дубинка впилась ему в бок, сбив дыхание.

– Руки на капот, я сказал!

Сержант пришел на помощь сослуживцу, заломив критику руку за спину. Тот начал яростно вырваться.

– Немедленно прекратите!

– Сейчас ты у меня уймешься, – напарник сержанта от души приложился дубинкой к затылку «клиента».

На беду Павла Борисовича голова его в этот момент висела над капотом и, получив дополнительное ускорение, ударилась о него со зловещим звуком. Лучинский моментально обмяк и сполз на асфальт.

– Готовченко. – Полицейский убрал дубинку. – В отделение?

Сержант наклонился.

– Леха, ты, по ходу, перестарался. Он не дышит вообще.

– Да ладно.

Полицейский присел на корточки и пощупал пульс.

– Живой.

– А если ты ему шею сломал?

– Ничего. Скажем – сам под колеса бросился. Оно ж так и было. Отмажемся.

– Ага. Сам-то сколько служишь? Месяц? Я – два. Кому мы нужны, чтобы нас отмазывать? Наоборот, размажут для примера.

– Ни хрена. Своих не сдадут, – без особой уверенности в голосе сказал полицейский.

– В больницу его надо. Если помрет – со службы точно выпрут. Придется работу искать. Тебе этот гемор нужен? Давай, – сержант окончательно принял решение, – хватай за ноги.

04.40

В эту ночь Карпову долго не удавалось заснуть. Возможно ли, что Лучинский прав? Неужели этот кошмар устроен лишь для того, чтобы показать «холопам» их место. Конечно, Павла Борисовича трудно было считать холопом, но Карпов понимал – среди тех, кто делит окружающих на «мы» и «они», Лучинский мог не дотягивать до «мы» при всех его регалиях. Но если критик не ошибся, то... Отсюда действительно можно просто уйти – и ничего не будет? Впрочем, Геннадий Иванович знал, что не решится повторить поступок Лучинского. Ведь наказание предусмотрено только одно. Максимальное... Значит, надо продолжать писать. О чем? Карпов твердо решил: больше никаких мумий, вампиров и восставших мертвецов. В конце концов, в реальной жизни тоже немало острых ситуаций. Поскольку сон все равно не шел, Геннадий Иванович стал прикидывать варианты. Без результата. Как можно думать о творчестве, когда в голове крутится одна и та же мысль – где сейчас Лучинский и что с ним? С этой мыслью он и уснул.

Разбудил его один из «дронов».

– Оденьтесь. В гостиной вас ждут.

Карпов взглянул на часы – они показывали около пяти – и принялся одеваться.

«Ждут? Значит, как минимум, там не одна Кристина».

Пульс участился. Возможно, сейчас он узнает новости о Лучинском. Но речь пошла вовсе не о нем.

В гостиной вместе с Кристиной находился Сергеев.

– Соберите вещи. Через пятнадцать минут вы уезжаете, – сказал он, не тратя времени на приветствия.

– Уезжаю? Куда? – спросил Геннадий Иванович.

Ему никто не ответил. Тогда Карпов задал вопрос, который мучил его всю ночь:

– Скажите честно, что теперь будет с Лучинским?

Сергеев вперил в него взгляд:

– Не тем интересуется, Карпов. Более актуален другой вопрос: что теперь делать с вами?

04.55

Когда Павел Борисович пришел в себя, то обнаружил, что лежит на койке, а рядом стоит какой-то человек.

– Где я? – спросил он.

– В больнице. Что с вами случилось?

Что с ним случилось, Лучинский вспомнил сразу.

– Менты здесь? – спросил он.

– Кто?

– Менты, которые меня избили.

– Вас обнаружили лежащим без сознания у приемного покоя.

– Меня избили двое полицейских! Немедленно вызовите полицию, я должен написать заявление!

– С заявлением разберемся позже. – Врач показал критику три растопыренных пальца. –

Сколько пальцев вы видите?

Лучинский отмахнулся.

– К черту пальцы! Позовите главврача. Немедленно!

– Главврача? Вы вообще представляете, сколько сейчас времени? Впрочем, учитывая количество алкоголя у вас в крови...

Доктор, сам того не ведая, отдал Павлу Борисовичу большую мозоль.

– Это не ваше дело!

Критик попытался встать.

– Лежите, вам нельзя вставать.

– Не трогайте меня! Я лучше знаю, что мне можно, а чего нельзя.

– Лена! – крикнул врач, удерживая пациента за плечи.

В палату заглянула медсестра.

– Укол! Быстро!

– Какой еще укол?! – заорал Павел Борисович. – Вызовите полицию! Я дам вам телефон генерала МВД! Мне нужна охрана! Меня держали в заложниках! Я ушел от них, но меня могут найти. Вы слышите?!

– Конечно, слышим.

Хватка врача была крепкой. Лучинский мог только извиваться под стальным зажимом. В поле зрения появилась медсестра со шприцем в руках.

– Не надо укола! Не надо! – Павел Борисович дернулся изо всех сил, но стальное жало уже вошло в бедро.

Лучинский вновь провалился в небытие, из которого недавно вышел. Врач выпрямился и перевел дух.

– Ну почему именно в мое дежурство обязательно буйный алкаш поступает?

– Если я вас пожалею, вам легче станет? – спросила медсестра.

Доктор улыбнулся.

– Смотря как пожалеете.

Медсестра была хорошенькая.

05.00

Кристина и Сергеев стояли у входа в коттедж, ожидая, пока Карпов соберет вещи. Кристина заметно нервничала.

– Не паникуй, – успокоил ее Олег. – Ситуация под контролем.

– Хочешь сказать, ты этого ждал?

– На том этапе, когда у них сохраняется надежда, – нет. Но хорош бы я был, если бы не предусмотрел любые варианты.

– И что мы теперь будем делать? Если Лучинский прямо отсюда отправился в полицию, они могут появиться с минуты на минуту.

– Если бы Лучинский прямо отсюда отправился в полицию, они уже были бы здесь. Прошло более двух часов. И потом, ты серьезно считаешь, что в полиции поверят вусмерть пьяному мужику без документов, который твердит о похищении? Как минимум, до выяснения личности запрут в обезьяннике. А личность установят не раньше утра. Возможно, так и случилось, поскольку дома он не появился. Или, что вероятней, наш критик забился со страха в какую-нибудь нору.

– Он же считает, что все происшедшее – афера. Чего ему бояться?

– Пьяному – нечего. Но бег на свежем воздухе – хороший способ протрезветь. А в трезвую голову страх обязательно вернется. Тогда он и начнет действовать. Утром или днем. Так что пока беспокоиться не о чем. Максимум через полчаса к этому дому будет совершенно не прикопаться.

– Конечно. Это ведь не твой дом. О чем беспокоиться?

– Перестань. – Сергеев обнял Кристину за плечо и притянул к себе. – Мы с тобой столько лет вместе. Куда делась отчаянная девчонка, которую я знал?

– На ее недолгий век пришлось достаточно потерь, чтобы бояться новых. Олег, может, пора заканчивать, пока все не зашло слишком далеко?

– Ты прекрасно знаешь – я человек долга. Раз дал слово довести дело до конца, значит, так оно и будет. И потом, в момент кризиса нельзя принимать импульсивных решений. Когда машина входит в занос, водитель руль не бросает.

– Правильно. Водитель жмет на тормоза.

– Так и поступим. Притормозим, а потом спокойно доедем до финиша.

– Господи, как ты упрям! Я понимаю, память об отце...

– В данном случае память об отце ни при чем. Представь, что прямо сейчас я позову Карпова и скажу: «Вы свободны. Идите домой». Понимаешь, к чему это приведет?

– К чему же?

– А к тому, что он ничего не поймет. Почему мы передумали? Что у нас на уме? Может, просто играем с ним как кошка с мышкой, а потом вернемся. Такая жизнь будет пыткой. Между тем Карпову осталось написать всего один рассказ. Вполне возможно, какой-то из трех действительно опубликуют. История про Моцарта вполне достойна. Тогда он получит свою свободу по заслугам, и будет знать – почему.

Кристина немного помолчала, потом спросила:

– Как ты поступишь с Лучинским?

Судя по тому, что она сменила тему, Сергеев понял – аргументы возымели действие. Впрочем, кто знает, надолго ли? Олег Михайлович принял решение вывести Кристину из игры.

– Сначала надо его найти, – уклонился он от ответа. – А там будет видно. Не думай об этом. Твоя помощь больше не нужна. Дальше я справлюсь сам.

– Но я обязана... – попыталась сопротивляться Кристина, правда, без прежней энергии в голосе.

– Все, – перебил ее Сергеев. – Вопрос решен. Сделаешь последнее дело – и отдыхай. Если хочешь, буду держать тебя в курсе.

Возражений не последовало.

05.35

Карпов находился на грани истерики. Темные очки, которые ему велели надеть, почти не пропускали света. Конструкция их была такова, что и боковым зрением не удавалось ничего увидеть, как ни скашивай глаза. В этих очках его вывели из дома, посадили в машину и увезли. С той поры прошло около полчаса. Может, больше. Или меньше. Геннадий Иванович не был

уверен, что в состоянии адекватно оценивать время. Поначалу он пытался по примеру героев боевиков считать повороты, но быстро запутался. Да и зачем все это? Какая разница, каким маршрутом они едут и куда его везут? Гораздо важнее другой вопрос: зачем?

С каждой минутой у Карпова крепла уверенность в том, что его везут на расправу. Похоже, Лучинскому удалось сбежать. Возможно, он сейчас в полиции. Если так, понадобится свидетель для подтверждения правоты его слов. А им может быть лишь один человек – Геннадий Иванович Карпов. Единственный свидетель.

Карпов не выдержал и спросил:

– Вы меня убьете?

Кристина – машину вела она – ответила:

– Не говорите глупостей. Хотели бы убить – давно бы убили.

Не свойственная Кристине резкость, против ожидания, успокоила Геннадия Ивановича.

«Она права, – подумал он. – Если бы со мной собирались расправиться, не все ли было бы равно, запомню ли я дорогу?»

Вскоре машина остановилась. Кристина взяла Карпова под руку.

– Идемте со мной.

Скрипнула дверь. Они куда-то вошли. Потом поднялись на несколько ступеней. Зашумел лифт. Почти сразу с привычным лязгом открылись двери. Лифт поднимался долго. Значит, в здании было много этажей. Наконец, двери открылись. Они вышли.

– Стойте, – сказала Кристина.

Карпов подчинился. Загребла ключи.

– Входите... Теперь можете снять очки.

Геннадий Иванович не заставил просить себя дважды.

Они стояли в прихожей небольшой малогабаритной квартиры. Во всяком случае, в поле зрения Карпова оказались три двери. Две из них, судя по всему, вели в ванную и туалет, а третья...

– Комната там, – показала Кристина.

Они прошли внутрь. Обстановка походила на гостиничный номер времен восьмидесятых годов прошлого века. Диван. Стол. Кровать у стены. Телевизор. Кресло. Небольшой столик у дивана.

– Теперь я буду жить здесь? – спросил Геннадий Иванович.

– Все вопросы – к Олегу Михайловичу. Он приедет позже. Тогда же привезут ваши вещи. Пока отдохните. Проголодаетесь – на кухне есть продукты. Дверь за мной закроете сами – ключи лежат рядом на полочке. Если позвонят – не подходите и не отвечайте. Никто из нас звонить не будет – у нас есть дубликат. Так что в замочной скважине ключи не оставляйте.

– Вы доверяете мне ключи? А если я возьму и уйду?

– Уходите. Выбор по-прежнему за вами. Кстати, меня просили передать, что окна здесь не открываются. Уж извините. По-моему, все. Желаю написать хороший рассказ.

– Желаете? С чего бы? Мне казалось, ваша компания скорее заинтересована в обратном.

– Прощайте, Карпов. – Кристина вышла в коридор, вскоре за ней хлопнула дверь.

«Обиделась, кажется, – подумал Геннадий Иванович. – Но ведь она же... Вшивый интеллигент, – тут же ругнулся он про себя. – Без чувства вины – никак. Кстати, почему она сказала “Прощайте”?»

Карпову вновь стало тревожно. Он подошел к окну и подергал ручку. Окно действительно не открывалось. Окружающий пейзаж был незнаком.

«А если разбить? – подумал Геннадий Иванович и немедленно возразил сам себе: – Какой смысл? Если можно просто уйти – зачем бить стекла?»

Он сел на диван. Со временем тревога улеглась. Возможно, Карпов просто устал бояться.

На то, чтобы изучить квартиру, много времени не потребовалось. Единственная комната, ванная, туалет, прихожая и скромных размеров кухня – после загородного коттеджа контраст разительный. Благодаря скудной обстановке новое пристанище к тому же не выглядело обжитым, больше походя на гостиницу для не слишком притязательных постояльцев.

«Наверное, это такая форма наказания, – подумал Геннадий Иванович. – Хоть формально ты ни в чем и не виноват, но имей в виду – тобой мы тоже недовольны».

Чтобы разогнать неприятные мысли, Карпов вернулся на диван и включил телевизор. Он не слишком жаловал «зомбящик», но других способов отвлечься квартира не предоставляла. На первом канале шел астрологический прогноз. На следующей кнопке рекламировали средство от молочницы. Нажав кнопку еще раз, Карпов увидел Штирлица, спавшего в автомобиле. Голос Копеляна доверительно сообщил: «Пройдет несколько минут – и он проснется».

Геннадий Иванович позавидовал разведчику, способному спать по заказу. Ему самому немного сна сейчас точно бы не помешало.

Глава одиннадцатая

17 июня

09.20

Лучинский очнулся от чудовищной головной боли. Болело все и везде. Особенно ломило затылок. Павел Борисович не стал открывать глаза. Если это похмелье, будет только хуже. При этом боль почему-то воспринималась отстраненно, словно голова принадлежала не ему, а совсем другому человеку. Неспешно, одно за другим, как воздушные пузыри сквозь растительное масло, из глубин сознания стали всплывать воспоминания. Встреча с полицейскими... уход из коттеджа... Кажется, Карпов пытался его остановить...

Несмотря на приглушенность эмоций, Лучинскому стало тревожно. На трезвую голову ночное бегство воспринималось иначе. Теперь Павел Борисович не был настолько уверен, что действия Сергеева – блеф. Следовало, по крайней мере, допустить иную возможность. Осознание этого факта усилило ощущение тревоги. Немудрено. Если он ошибся, то подписал себе смертный приговор.

Лучинский попробовал разомкнуть веки. Хуже не стало. Может, потому, что хуже некуда? Было светло. Значит, сейчас утро или день. Рядом ритмично пищал какой-то прибор. Павел Борисович вспомнил, что находится в больнице. Боже, как болит голова! Он попробовал дотронуться до нее, но руку что-то держало. Обе руки. Лучинский рискнул оторвать голову от подушки. Боль усилилась, но не настолько, чтобы ее нельзя было терпеть. Критик скосил глаза и увидел, что обе руки привязаны к кровати скрученной в жгут простыней. Вот это номер!

Ощущать себя связанным было не только унижительно. Если допустить, что Сергеев не блефовал... Сейчас, когда жертва беспомощна, ему не нужно строить хитроумных планов. Кто-нибудь неприметный в медицинском халате просто зайдет в палату и сделает укол. Кого удивит, что пациент с тяжелой травмой головы скончался?

Лучинскому стало по-настоящему страшно. Надо как можно скорее выбираться отсюда. Дверь палаты распахнулась. Вошедшая медсестра заметила, что пациент очнулся.

– Как вы себя чувствуете?

– Терпимо.

Голос не изменил Павлу Борисовичу. Во всяком случае, говорить было не больно.

– Я могу побеседовать с врачом?

Сестра посмотрела на него с подозрением. Видно, ночью он много чего наговорил.

– Через час будет обход.

– Не через час! Немедленно! – Лучинский быстро подавил раздражение – в его положении резкость неуместна. – Простите, голова так болит, что трудно себя контролировать. Конечно, если врач занят, я подожду. И, девушка, можно вас попросить?

– О чем?

– Не смотрите на меня так, будто я Чикатило.

Последняя фраза, похоже, возымела действие. Во всяком случае, доктор скоро появился. Тот же, что и ночью. Но критик был к этому уже готов.

– Здравствуйтесь, – поприветствовал он врача. – Надеюсь, при свете дня я выгляжу лучше?

– Более-менее. Мы нашли у вас в одежде паспорт. Лучинский Павел Борисович – это вы?

– Конечно. Вам что-нибудь говорит это имя?

– А должно?

– Понятно. Могу я узнать, как вас зовут?

– Вячеслав Федорович Архипов.

– Вячеслав Федорович, я известный литературный критик. Очень известный.

– И что из этого следует?

Лучинский немного растерялся.

– Но...

– Павел Борисович, – перебил его медик. – У меня в приемном двое тяжелых лежат. А вы, судя по виду, вполне стабильны. Скоро к вам придет лечащий врач...

Лучинский понял, что разговор сейчас прервется.

– Вячеслав Федорович, я не буду вас задерживать. У меня только одна просьба. Позвоните, пожалуйста, одному человеку и сообщите ему, что я здесь. Он генерал-майор полиции.

По выражению лица врача Павел Борисович понял: полицию упоминать не стоило.

– Этот генерал – мой друг, – добавил он. – Разве я не имею право дать знать, где нахожусь?

Аргумент был разумным, и доктор сдался.

– Нина, запишите телефон, – распорядился он.

11.45

Нет ничего хуже, чем ждать. Особенно, когда подозреваешь, что тебя догоняют. Головную боль еще можно было терпеть. Лучинский не стал просить таблетку. Кто знает, что ему дадут? Но звуки шагов каждый раз заставляли мышцы рук сокращаться, натягивая путы. Движение было чисто рефлекторным. Все равно в нынешнем состоянии не удастся ничего предпринять. Павел Борисович настолько завел себя, что, когда сестра зашла поставить термометр, вдруг попросил:

– Нина, вы не можете со мной посидеть?

«При постороннем человеке вряд ли кто-нибудь решится».

– Посидеть? – удивилась та. – Зачем?

Лучинский не смог с ходу придумать убедительную причину.

– Так. Просто. Мне было бы спокойнее.

– Вам снова тревожно? Хотите, сделаю укол?

– Нет-нет, не надо. – Павел Борисович мысленно обругал себя. Теперь они опять подумают, что у него едет крыша. – Просто в присутствии красивой девушки выздоровление идет быстрее.

Иногда даже избитые приемы действуют безотказно. Нина улыбнулась.

– С современными лекарствами мне трудно конкурировать.

В этот момент в палату вошел генерал-майор Агеев. Сейчас он был одет «по гражданке».

«Жаль, – посетовал Лучинский, все же испытав сильное облегчение. – Генеральский мундир производит впечатление».

– Павел Борисович! Что с вами случилось?

– То, что я прикручен к кровати, у вас вопросов не вызывает?

Агеев явно смутился.

«Они уже поговорили с ним», – догадался Лучинский.

– Владимир Николаевич, я абсолютно нормален. Вы верите?

– Конечно, верю.

Наигранный энтузиазм в голосе генерала говорил сам за себя.

– Ну да, – горько усмехнулся критик. – Я совсем забыл, что все сумасшедшие уверяют в этом.

Медсестра тактично покинула палату.

– Никто не принимает вас за сумасшедшего, – заверил Агеев. – Просто, возможно, вы переутомились.

– Удар дубинкой по голове очень способствует переутомлению.

– Вы сказали врачу, что вас избили полицейские. Так оно и было?

– Об этом мы поговорим потом. Сейчас гораздо важнее другое. Послушайте меня внимательно. Предупреждаю, рассказ будет долгий. Готовы слушать?

– Говорите.

И Лучинский рассказал все с самого начала. Агеев не перебивал. По выражению лица генерала трудно было понять, как он относится к услышанному. Впрочем, такое умение Агеев выработывал годами.

Наконец, Павел Борисович закончил.

– Не буду спрашивать, что вы обо всем этом думаете. Просто проверьте факты. Если они подтвердятся – поговорим уже не здесь.

– Вам известен адрес дома, в котором... вы находились? – спросил Агеев.

Заминка генерала не ускользнула от Павла Борисовича.

– Увы! Они привезли меня прямо из аэропорта, а по дороге я болтал, не особенно глядя по сторонам. Но я обязательно его узнаю... – Лучинский быстро сообразил, что сказал глупость. – Впрочем, сейчас это не поможет... Стойте! – вдруг воскликнул он. – Врач! Они вызывали мне «скорую помощь». Второго июня в районе полудня. Как же его звали? – Критик наморщил лоб и тут же скривился от боли. – Черт! Проклятая дубинка... Ага! Вспомнил! Роман Иванович Мальцев. Это их человек, и, конечно, он будет все отрицать, но адрес выезда регистрируется. От полиции его не скроют. Только, умоляю, Владимир Николаевич, не откладывайте. За мной могут прийти в любой момент!

Лучинский чувствовал: чем больше он говорит о своих страхах, тем больше растут сомнения Агеева в адекватности его состояния. Но язык подчинился не ему, а страху...

12.10

– Это типичный алкогольный психоз, вне всяких сомнений. Картина вполне классическая. Он утверждал, что его преследуют, порывался бежать, звал полицию. И тут же уверял, что именно полиция его избил. Судя по анализу крови, накануне господин Лучинский выпил около литра крепкого алкоголя. И... вы ведь не будете уверять меня, что подобное случилось с ним впервые?

– Нет. – Генерал Агеев сидел в кабинете главного врача больницы. – Ни для кого не секрет, что Павел Борисович любит выпить. Более того, не стану скрывать, история, которую он мне рассказал, довольно... необычна.

– Вот видите!

– Но в целом он выглядит вменяемым. Хотя тут я вторгаюсь в вашу епархию. Впрочем, Лучинский сообщил факты, которые можно проверить. А до той поры, как я это сделаю, переведите его в отдельную палату. Павел Борисович – обеспеченный человек, с оплатой вопросов не возникнет. Или по состоянию здоровья он должен находиться в реанимации?

Главврач посмотрел документы.

– Да нет. Томография не выявила серьезных травм.

– Вот и хорошо. И пусть эта палата будет в уединенном месте, чтобы можно было, не привлекая лишнего внимания, выставить охрану. Береженого, как говорится, бог бережет.

– У меня нет охраны. Только санитары.

– Охрану я пришлю. Они свяжутся с вами, когда появятся. Кстати, эти люди умеют быть незаметными, так что не беспокойтесь на сей счет.

Главврач явно не был в восторге, но не решился возражать.

– Хорошо, мы переведем его.

Агеев встал.

– Ну и отлично. Благодарю за понимание.

Они пожали друг другу руки.

12.30

Увидев незнакомого человека, Лучинский напрягся.

- Что вам нужно?
- Тот принялся развязывать его путы.
- Вас переводят.
- Переводят? Куда?
- В другую палату.
- Зачем?
- Понятия не имею. Я санитар. Мне просто сказали вас перевезти.
- Санитар? – Павел Борисович посмотрел на него с подозрением. – Покажите документы.
- Какие еще документы?
- Откуда я знаю, что вы действительно санитар? Позовите врача. Без него я никуда не поеду!
- Успокойтесь, мужчина.
- Отойди от меня! – Лучинский отпихнул санитаря освободившейся рукой.
- Ты что, ненормальный? – Санитар отскочил на шаг. – По ходу, зря они тебя отвязывают. Тем не менее он оставил критика в покое и вышел.

Появившегося врача Лучинский тоже видел впервые.

- Снова решили побуяннить, Павел Борисович?
- Кто вы? Я вас не знаю. Где доктор, который приходил раньше?
- У доктора Архипова закончилось дежурство. Я ваш лечащий врач. Что вас беспокоит?
- Почему меня переводят?
- По распоряжению главного врача. Если хотите знать мое мнение – я против. И ваше поведение это мнение подтверждает. Я считаю, какое-то время вас надо держать под наблюдением. Здесь это сделать проще. Но я вынужден выполнять распоряжение.
- Главного врача? Он разговаривал с генералом Агеевым?
- Я не знаю никакого генерала Агеева. Так вы будете переезжать, или мне передать, что вы остаетесь?
- Лучинский подумал.
- «Наверняка это Агеев попросил».
- Буду.
- В таком случае, пожалуйста, не деритесь с персоналом.

Когда каталка свернула в совершенно безлюдный коридор, опасения Павла Борисовича вспыхнули с новой силой.

- Почему здесь никого нет? – спросил он.
- Новое крыло. С понедельника открываемся, так что вы тут первый.
- Первый? Почему меня везут именно сюда?
- Слушай, я тебе кто – Друзь? – не выдержал санитар. – «Чего? Куда?» Тебе какая разница?
- Они повернули направо и оказались возле поста.
- В какую его? – спросил санитар медсестру.
- Без разницы. Давай в первую.
- Санитар толкнул дверь. Они въехали внутрь.
- Выбирайте кровать. Врач сейчас будет.
- Лучинский встал с каталки. В палате было две кровати. Павел Борисович решил расположиться ближе к двери. Санитар неплотно закрыл ее за собой. Лучинский подошел поближе и прислушался.
- Это он? – спросила медсестра.
- А кто ж еще, – ответил санитар.

Медсестра понизила голос.

– Когда вернешься?

– Подождем, чтобы лишних глаз не было.

– Здесь и так никого нет.

– Береженого бог бережет. Врач больно любопытный. Все время снует туда-сюда. Позвонишь, когда уйдет.

Лучинский похолодел. Значит, все-таки ловушка! Агеев не успеет! В коридоре слышались шаги, потом раздался голос доктора:

– Где он?

– В первой.

Критик отскочил от двери. Врач вошел в палату.

– Вы почему не лежите?

Павел Борисович бросился к нему.

– Верните меня обратно! Пожалуйста!

– Вы опять? Сестра!

Лучинский сразу догадался, о чем пойдет речь.

– Не надо! Никаких уколов! Хорошо, я остаюсь здесь. Можете даже опять привязать меня, если хотите...

В палату заглянула медсестра.

Врач посмотрел на Лучинского.

– Уверены?

– Абсолютно.

Доктор жестом показал девушке, что ее присутствие уже не требуется.

– Послушайте, – обратился к нему Павел Борисович, которому пришла в голову одна хорошая идея. – Можете считать меня кем угодно: неврастеником, психом, слетевшим с катушек алкоголиком, но я вас прошу – закройте эту дверь.

– То есть?

– Закройте ее за собой и унесите ключ. Никому его не оставляйте. Понимаю, как все это звучит, но какая разница? Если у меня психоз, главное ведь – снять провоцирующий фактор? Вы закроете дверь – я успокоюсь, и у вас не будет проблем.

– Кроме одной. Каждый раз, когда сестре понадобится войти, она должна будет бежать ко мне на отделение.

– Это ненадолго. Скоро вернется мой друг, и – увидите – меня сразу заберут отсюда. К тому же я заплачу за причиненное беспокойство. Сколько скажете. Десять тысяч, пятнадцать. Хотите – прямо сейчас. Только надо найти мой пиджак.

Врач заколебался. Видно, в больнице платили не слишком щедро. Ничего не ответив, он покинул палату.

– От этой двери есть ключ? – раздался его голос из коридора.

– Конечно, – ответила медсестра. – На втором посту.

– Принесите.

Врач вернулся у Лучинскому.

– Я буду приходить сюда каждый час и проверять, все ли в порядке.

– Замечательно! – обрадовался критик.

– И уж, извините, поскольку вы останетесь в одиночестве за запертой дверью, одну руку я вам все-таки привяжу.

– Пожалуйста.

Павел Борисович лег на постель и сам протянул доктору руку.

– Не пытайтесь развязать узел, – предупредил тот, доставая из кармана эластичный бинт. – Ничего не получится.

– И не собираюсь.

Лучинский был согласен на все. Лишь бы врач не передумал.

Только когда в двери клацнул замок, Павел Борисович, наконец, вздохнул с облегчением. Кажется, этот раунд он выиграл. Теперь главное, чтобы Агеева ничто не задержало.

– Я забираю ключ с собой. Распоряжение главного, – послышался голос доктора из коридора. – Если что – звоните.

Врач ушел.

– Зачем он запер дверь? – спросил медсестру санитар.

– Почем я знаю? На крайняк, есть дубликат.

Лучинский рывком сел на кровати. Дубликат! Как он об этом не подумал? Голова сильно закружилась от резкого движения. Что же делать? Врач вернется только через час. А если они решат не дожидаться вечера? Надо уходить! Немедленно! Но как? Павел Борисович посмотрел на привязанную руку. Хорошо, что он оказался предусмотрительным! Свободной рукой критик достал из кармана пижамы ножницы. Он прихватил их в реанимации, когда санитар вышел в коридор. Избавившись от бинта, Лучинский вскочил с кровати, подбежал к окну, приоткрыл створку и выглянул наружу. Окно выходило в пустынный двор. Отлично! Правда, есть проблема. Палата находится на третьем этаже. Что с этим делать? Связать веревку из простыней? К счастью, обе постели застелены. Павел Борисович заколебался. Он не любил физкультуру. И еще ему шестьдесят два года. Но если он не попробует, шестьдесят три не исполнится никогда...

Глава двенадцатая

17 июня

14.55

Дверной звонок оказался неожиданно резким. Карпов вздрогнул и открыл глаза. Удивительно, но ему все же удалось заснуть. В дверь снова позвонили. Геннадий Иванович вскочил с дивана и пошел в прихожую. По пути он вспомнил, что Кристина запретила отвечать на звонки, и в нерешительности остановился. Звонок прозвенел в третий раз. Карпов заметил глазок на входной двери. Кто мешает ему посмотреть в него? Он на цыпочках подкрался к двери, прильнул к глазку и в ту же секунду резко отпрянул. За дверью стоял... Лучинский! Как он нашел его? Звонок вновь ожил. Карпов растерянно посмотрел на дверь.

– Геннадий Иванович... – послышалось из-за нее.

– Павел Борисович? Это вы?

– Геннадий Иванович... – голос стал явственней, будто его обладатель уже стоял рядом.

– Как вы меня нашли? – спросил Карпов.

– Геннадий Иванович... – в третий раз повторил Лучинский. – Выходите. Присоединяйтесь ко мне. Я теперь свободен.

– К вам? – растерялся Карпов. – Но... мне нельзя. Меня предупредили...

– Не обращайтесь внимания. Выходите. Я вас спасу.

Внезапно дверь слегка приоткрылась.

Карпов попятился – он ведь прекрасно помнил, что сам ее закрывал – и... проснулся. Помотав головой, Геннадий Иванович стряхнул с себя остатки кошмара. Это был сон. Только сон...

Окончательно пробудившись, Карпов ощутил, что зверски голоден, и отправился на кухню. Скромный холодильник был доверху забит продуктами.

«Когда только они успели?» – подивился Геннадий Иванович.

Хотя, кто знает, что это за квартира? Возможно, здесь кто-то жил. Кто-то, кого спешно попросили покинуть помещение.

Карпов щедро нарубил колбасу, нарезал сырок, распечатал коробку с тостами... Вскоре на кухонном столе возник заварной чайник, над носиком которого струились легкие завитки пара, и большая тарелка с бутербродами. Только теперь Геннадий Иванович понял, насколько проголодался. Наспех устроившись за столом, он жадно вонзил зубы в первый бутерброд.

Наполнив желудок, Карпов с облегчением откинулся на стуле и сделал глоток. Чай был именно таким, какой он любил: не слишком горячий, но и не остывший. В блаженстве Геннадий Иванович закрыл глаза.

«Как мало, в сущности, нужно человеку для счастья», – подумал он и тут же услышал:

– Приятного аппетита.

Карпов подскочил, как ошпаренный. Прямо перед ним стоял Олег Сергеев.

– Господи! Что у вас за привычка? Вам надо колокольчик к ноге привязывать.

Олег Михайлович присел к столу напротив. Несмотря на полный событий день, он был как всегда чисто выбрит, безупречно одет и источал слабый запах парфюма.

– Наверняка у вас ко мне много вопросов.

– Подозреваю, не на все из них вы ответите, – раздражение придало Карпову смелости. – Поэтому лучше говорите сами.

– Логично, – согласился Сергеев. – Начну с главного. Здесь вы будете жить весь оставшийся срок. Вещи ваши мы привезли. Вместо прежнего компьютера будет ноутбук, но не волнуйтесь – вся информация на него перенесена.

«Оставшийся срок!»

Геннадий Иванович почувствовал облегчение. Он догадывался, что серьезных изменений в его судьбе ближайшее будущее не несет, но одно дело гадать, а другое – знать.

«Подумать только, насколько все относительно, – мелькнуло в голове, – если новость о продлении “тюремного срока” с неясным приговором в конце способна обрадовать».

– Уровень комфорта, конечно, несравним с прежним местом обитания, но тут претензии надо предъявлять Лучинскому.

– А что, есть такая возможность?

Сергеев проигнорировал реплику.

– Вы по-прежнему можете уйти отсюда в любой момент, – продолжил он, – хотя после сегодняшних событий я почти уверен, что вы этого не сделаете. На лестничной площадке установлена видеочкамера, поэтому на случайные звонки лучше не реагировать. Впрочем, об этом вы уже знаете. Помощников здесь у вас не будет, но вряд ли это создаст большие проблемы. Вам ведь не привыкать жить в одиночестве.

«Вот почему она сказала “Прощайте”», – сообразил Карпов и спросил:

– Значит, Кристину я больше не увижу?

– Привыкли к ее обществу?

– Ну, так другого общества вы нам не предлагали.

– Рад, что угадал с выбором. Но Кристину вы действительно больше не увидите.

– Тогда передайте ей, что я извиняюсь.

– Извиняетесь? За что?

– Неважно. Просто передайте – и все. Она поймет.

– У вас уже есть свои маленькие тайны? Это мило. Ладно, передам. Если понадобится что-либо еще, просто снимите трубку телефона и дождитесь ответа.

– Вы разрешаете мне пользоваться телефоном? – удивился Карпов.

– Нашим – да. Кстати, куда отправить вторую рукопись?

– Я как-то не успел об этом подумать. Учитывая возникшие обстоятельства...

– Ничего страшного. Выберете журнал – сообщите.

Сергеев уже собирался уходить, но интерес Карпова к Кристине натолкнул его на одну идею, и Олег Михайлович решил задержаться.

– У вас остался чай? – поинтересовался он.

– Что? – столь обыденный вопрос сбил Геннадия Ивановича с толку. – Кажется, да. Только остыл, наверное.

– Ничего, я не люблю слишком горячий.

Сергеев достал из кухонного шкафа кружку («Знает, где что стоит», – отметил Карпов) и вернулся к столу.

– Тему нового рассказа уже придумали? – спросил Олег Михайлович, наливая заварку.

– Нет. Честно говоря, до сих пор идеи мне подбрасывал Лучинский. – Сообразив, кому он это сказал, Геннадий Иванович с испугом посмотрел на собеседника.

Тот правильно интерпретировал взгляд.

– Думаете, сболтнули лишнее? Напрасно. Недостатком идей, насколько мне известно, страдали даже знаменитые писатели.

– Так и есть, – кивнул Карпов. – Гоголь постоянно просил друзей подсказывать темы для новых произведений. Пушкин с иронией говорил, что в присутствии «этого хохла» надо быть осторожнее. И сам же подарил ему сюжет «Ревизора».

– Хотите, побуду Пушкиным?

– В смысле?

– Подброшу вам идею. Вы когда-нибудь играли в рулетку?

– Шутите? Такое развлечение – не по моим доходам. И потом – где? Это же сейчас запрещено.

– Да. Глупость, конечно. В солидные казино ходили солидные люди, которые вправе сами решать, как тратить свои деньги.

– Разве этот бизнес не был насквозь криминальным?

Сергеев посмотрел на Карпова.

– Геннадий Иванович, я лично не знаю ни одного серьезного бизнеса, с которым в той или иной мере не соприкасается криминал.

– Вы утрируете. Навскидку приведу пример. Наша «Путеводная звезда». Если, конечно, не иметь в виду, что часть помещений главный редактор по-тихому сдает в аренду, чтобы с трудом сводить концы с концами.

– Вашу «Путеводную звезду» трудно назвать бизнесом. Тем не менее если бы вы узнали некоторые нюансы этой аренды, то убедились бы, что концы с концами с трудом сводит ваш журнал, но не редактор.

– Что вы имеете в виду?

– Лучше вам не знать. А то потом трудно будет там работать.

– Не знаю. При всем желании, мне сложно поверить, что Ростислав Семенович... – Карпов осекся, поскольку с запозданием сообразил, что именно сказал Сергеев.

Тот правильно понял причину его заминки и добавил:

– Если, конечно, все закончится хорошо.

– Понятно, – усмехнулся Геннадий Иванович. – Я было уже подумал, что амнистирован.

Сергеев не стал продолжать тему. Отхлебнув приготовленный чай, он удовлетворенно кивнул и продолжил:

– Так вот, насчет рулетки. Один из моих... хороших знакомых – довольно крупный бизнесмен – практически жить без нее не мог.

– И при этом остался крупным бизнесменом?

– Вы проницательны. Или, может быть, вам знакома эта история? – Олег Михайлович внимательно посмотрел в глаза Карпову.

Тот не понял причин этого взгляда.

– Откуда? У нас с вами разный круг общения.

– Да, пожалуй, – согласился Сергеев. – Просто, в последнее время мы с вами вращаемся в одних и тех же кругах. В общем, столь рискованное увлечение доставляло моему знакомому проблемы. И вот, когда подобная ситуация возникла в очередной раз... – Олег Михайлович помолчал и добавил: – Он, знаете ли, очень любил свою жену. – Почему-то при этих словах Сергеев вновь пробуравил собеседника взглядом. – Страшно боялся оставить ее без средств. Но ничего не мог поделать со своей страстью. Тем более, страсть была не вполне обычной.

– То есть?

– Мой друг полагал, что рулетка способна не только приносить деньги, но и давать ответы на вопросы.

– Каким образом?

– Нужно задать вопрос и сделать ставку. Выигрыш – ответ «да», проигрыш – «нет».

– С тем же успехом можно бросать монетку. Дешевле выйдет.

– Логично. Но все ли в нашей жизни подчиняется логике? Кирилл уверял, что рулетка ни разу не ошиблась, когда он спрашивал ее о чем-нибудь действительно серьезном.

Сергеев больше не играл в «гляделки», просто рассказывал историю.

– Боюсь, у вашего друга не все в порядке с головой. Уговорите его обратиться к врачу. Говорят, от игромании лечат.

– К сожалению, не смогу. Его нет в живых.

– Извините, – осекся Карпов. – Я не хотел никого обидеть. Что с ним случилось?

– Проиграл крупную сумму. Крупную даже для себя. И понял, что рано или поздно может проиграть все. Кирилл не знал, как ему найти выход. И он...

– Задал вопрос рулетке?

– Да. «Жить мне или умереть?»

– Господи... И что она... Хотя вы ведь уже сказали. Или эти события не связаны между собой?

– Вам лучше не знать ответа.

– Почему?

– Не хочу связывать вас известным финалом. Напишите на основе этой истории рассказ – о любви, страсти и выборе, который однажды приходится делать каждому.

– Но я ровным счетом ничего не смыслю в рулетке.

– Это не проблема. – Сергеев достал флеш-карту. – Возьмите.

– Что это?

– То, с чем я редко расстаюсь. Британская энциклопедия. Вот уже более двух веков – эталон для всех справочных изданий. Кстати... Моего друга звали Кирилл Елисеев. Сочтите возможным – посвятите рассказ ему.

– Хорошо, – произнес вконец озадаченный Геннадий Иванович. – А... если у меня не получится?

Сергеев пожал плечами.

– Тогда напишете другой рассказ.

Заглянувший на кухню помощник что-то прошептал ему на ухо. Олег Михайлович встал из-за стола и вышел.

Пока он отсутствовал, Карпов успел дотпить остывший чай. К последнему бутерброду он не притронулся. Сказалась привычка не брать с тарелки последнее, когда в доме находится гость. Впрочем, кто в этом доме гость, а кто хозяин, сомневаться не приходилось.

– Мне пора, – сказал Сергеев, вернувшись. – О Лучинском забудьте. Ваши судьбы никак не связаны между собой.

В коридоре Геннадию Ивановичу пришлось посторониться. Из комнаты выносили телевизор.

– Куда вы его?

– Поменяем. Этот давно барахлит.

– Можете не возвращать. Я практически не смотрю телевидение.

– Когда у вас останется только одно занятие – ждать, новые привычки появятся быстро, – заверил Олег Михайлович. – Уж поверьте.

Закрыв за ним дверь, Карпов вернулся в комнату и сразу понял, почему ему разрешили пользоваться телефоном. На прикроватной тумбочке стоял допотопный проводной аппарат. На лицевой панели аппарата не было ничего. Ни кнопок, ни диска для набора номера. Карпов снял трубку.

Через один гудок с той стороны ответили:

– Слушаю. Говорите.

Геннадий Иванович вернул трубку на рычаг.

15.30

Выйдя на улицу, Сергеев тут же достал телефон и набрал номер.

– Кристина? Только не вздумай впадать в истерику. Лучинский умер... Нет, это не я... Да точно не я! Он умер в больнице... Какая тебе разница – в какой? Мои люди сейчас выясняют подробности. Может быть, это последствия алкогольной интоксикации. А может, он ночью под машину попал. Туда ему и дорога... – Лицо Олега Михайловича перекосила гримаса досады. –

Кристина, я ведь уже говорил тебе. У меня нет привычки повторять дважды... «Туда и дорога» сказал, поскольку действительно так считаю! Но это не повод для убийства! – почувствовав, что теряет контроль над собой, Сергеев задержал дыхание, прежде чем продолжить беседу. – В общем, Лучинский мертв, и с его стороны нам больше ничего не грозит... Да, я смотрю на это именно так. Главное, не паникуй. На всякий случай, в ближайшее время не уезжай из города... Не знаю, на какой случай. Скорее всего, ни на какой. Но если кто-то вдруг – хотя я в это не верю – захочет проверить коттедж, то отсутствие хозяйки может привлечь к дому дополнительное внимание. Еще раз повторяю: этого не случится. А если даже случится, то ровным счетом ничем не грозит. Даже не сомневайся. – Олег Михайлович смягчил тон: – Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь... Не будем об этом, – спокойно, но настойчиво произнес он через паузу. – Я никогда не жалею о принятых решениях. Все. У меня больше нет времени говорить. Ничего не бойся, я всегда с тобой.

Сергеев разъединился. Он действительно никогда не жалел о принятых решениях, но одно из них было неправильным изначально. Не следует вовлекать близких людей в деловые отношения. Теперь придется принимать во внимание последствия допущенной ошибки.

16.40

– Вы догадываетесь, что теперь с нами будет?! – главврач выглядел не так импозантно, как во время первой встречи с Агеевым. Его галстук сбился на сторону, но он, похоже, этого не замечал. – Причем, я подчеркиваю, с нами! Ведь именно по вашему настоянию я перевел его из реанимации. Надеюсь, вы не станете этого отрицать?

– Не беспокойтесь, я не отрекаюсь от своих слов. – Генерал пригладил виски. Он делал это всегда, когда бывал сильно взволнован.

– А ведь я говорил, убеждал – это типичный алкогольный психоз! Знаете, как ведут себя люди в подобном состоянии?! Странно, что он еще лез по простыням. Мог просто выпрыгнуть в окно. Впрочем, результат один.

– Как он умер?

– Перелом основания черепа. И ведь только третий этаж! Нет бы просто ногу сломать! Но сильно можете не убиваться. С такой печенью он протянул бы лет пять, не больше.

Главврач подошел к шкафу и достал бутылку виски.

– Помянуть не желаете?

– Сейчас только пьянства на работе нам не хватало.

– Бросьте! На фоне того, что на меня теперь повесят, запах изо рта – как насморк при чуме.

Генеральская порция оказалась очень щедрой, но Агеев отказываться не стал.

16.50

Медсестра на посту вытирала заплаканные глаза. Давешний санитар стоял рядом и протягивал валерьянку.

– Выпей.

– Не хочу.

– Выпей, легче будет. Чего ты разревелась вообще? Жмуриков не видела?

– Это совсем другое. Если кто от болезни умер – или так.

– Не бери в голову. Он тебе никто. – Санитар посмотрел на девушку. – Я приду через часок?

– С ума сошел?!

– А что такого? Мы ж договаривались.

– Не после такого.

– Подумаешь... Отвлечешься как раз. – Санитар обнял девушку за плечо. – Я умею отвлекать.

– Уйди. – Та сбросила руку.

– Ладно. Как хочешь. Было бы предложено.

Санитар демонстративно отвернулся.

«Сама позовет», – подумал он. И не ошибся.

17.45

Спиртное Агеева не «забрало», что было не удивительно. В острых ситуациях он никогда не пьянел. А ситуация на сей раз вышла та еще.

Высланная охрана опоздала на десять минут. Но, даже если бы они успели вовремя, ничего бы не изменилось. Лучинский одурачил всех.

До звонка, последовавшего из больницы, генерал успел кое-что проверить. Результат вышел обескураживающим.

«Скороую» в названный день и час в район Жуковки вызывали только на ДТП. Врача с таким именем-фамилией ни в одной из бригад не существовало.

А ведь рассказ Павла Борисовича выглядел таким связным!

«Ему бы романы писать, а не критические статьи, – с досадой подумал Агеев. – Даже фамилии всем придумал. Сергеев, Карпов...»

Генерал подумал, подошел к столу и включил компьютер.

На сайте журнала «Путеводная звезда» в составе редколлегии действительно значился некий Геннадий Иванович Карпов. Значит, эта фамилия была реальной.

Агеев постучал пальцами по столу, потом взял телефон и набрал номер. Против ожиданий – время было уже не рабочее – ему ответили.

– «Путеводная звезда»? Могу ли я поговорить с Геннадием Ивановичем Карповым?

– А кто его спрашивает?

Судя по голосу, трубку на том конце взяла довольно юная особа.

– Генерал-майор полиции Агеев.

Такое представление обычно помогало избежать лишних вопросов. Так получилось и сейчас.

– Геннадий Иванович в творческом отпуске до сентября.

Агеев насторожился.

– Правда, вчера сообщил, что работа идет быстро, и он, скорее всего, вернется раньше, – добавила девушка.

– Карпов звонил вам?

– Нет, прислал письмо по электронной почте.

– Откуда вы знаете, что это был именно он?

– А кто же?

– Девушка, – генерал по известным причинам был не в духе, поэтому не стал выбирать слова, – вы хорошо поняли, откуда вам звонят? Не надо отвечать вопросом на вопрос. Спрашиваю еще раз: вы уверены, что письмо прислал именно Карпов?

Собеседница замолчала.

– Ну, да, – ответила она уже без прежней беспечности, но тут же добавила: – Ой, точно да! Уверена!

– Почему?

– Он сказал, что я могу забрать шоколадку в его столе, а то она до его возвращения испортится. И там действительно оказалась шоколадка. А почему вы спрашиваете? – у секретарши с запозданием проснулось женское любопытство.

– Спасибо.

Агеев повесил трубку. И здесь пустышка. Видимо, покойный Лучинский был знаком с Карповым, вот тот и оказался вовлечен в его алкогольный бред.

«Ах, Павел Борисович, Павел Борисович, подкузьмил ты меня, – с горечью подумал генерал. – Ну да какой с мертвого спрос?»

17.50

До самого вечера Карпов гадал: что такое произошло с Сергеевым? Всегдашний демонстративный нейтралитет, подчеркнуто официальный – либо прохладный, либо напрочь лишенный всяких эмоций тон – и вдруг: неожиданное совместное чаепитие, подаренный сюжет... Конечно, это могло быть лишь игрой, но с какой целью? Чего он хочет? Заручиться милостью одной жертвы на тот случай, если другая вышла из подчинения и грозит неприятностями? Впрочем, гадать в отсутствие Фактов можно до бесконечности...

Геннадий Иванович разобрал привезенные из коттеджа вещи. Собирал он их наспех, хватая все, что попадало под руку. Нашлись даже листы с первоначальными вариантами «Ритуала». Карпов понес их на кухню – он не имел привычки хранить рукописи. Мусорное ведро обнаружилось под мойкой. В последний момент объемистая пачка выскользнула, листы рассыпались по полу. Геннадий Иванович принялся собирать их и случайно заметил на одной странице имя Джек. В его рассказе не было никакого Джека.

Карпов присел на табурет. Без сомнений, этот лист не имел к «Ритуалу» никакого отношения. Он содержал наброски какого-то сюжета.

«Американец, – прочел Геннадий Иванович. – Имя, допустим, Джек. Как и большинство американцев, считает, что земной шар – глобус Америки. Любопытства ради едет в Европу. Оказывается в Голландии. Там ему не нравится, потому что все не как в Америке. Ссорится с гидом. Утверждает, что Голландия – скучная страна. Вечером отправляется гулять. Случайно встречает гида. Как ему кажется. Гид дает совет – куда пойти. Ресторан? Беседует с официантом. Что-то спрашивает. Что-то, что ему нужно. Вопрос – что? Что-то такое, что можно найти только здесь, и достаточно редкое, раз он до сих пор этого не нашел. Нужен экстравагантный вариант. Официант называет адрес».

Здесь текст обрывался. Его автором, без сомнения, был Лучинский. Вероятно, он оставил листок в холле коттеджа, где тот и смешался с остальными бумагами во время сборов.

Правда, насколько помнил Геннадий Иванович, вечером в холле никаких бумаг не оставалось. Значит, пить критик начал не сразу. А может, ему это вовсе не мешало. Писал ведь Мусоргский великую музыку, находясь подшофе. Похоже, потерпев неудачу с врачом, Павел Борисович решил доказать, что справится без этого трюка, и в творческом раже начал набрасывать сюжет. Потом остановился, задумался... распечатал то, что получилось... спустился вниз... Там он ходил из угла в угол, прихлебывая из стакана... Постепенно придуманное перестало нравиться ему, а новая идея в голову не приходила. Классная идея, которая побуждает немедленно вернуться к столу. И стала закрадываться мысль – она не придет. Никогда.

Складно, но сомнительно. Критик всегда излучал уверенность. Или это была лишь бравада, скрывавшая лютый страх? В действительности он надеялся лишь на то, что окажется хитрее. И когда его переиграли... Когда остался только один выход – писать... Тут-то он и сорвался. Выпил больше обычного, не смог себя контролировать. Дальнейшее известно.

Гипотеза походила на правду. Мысли о судьбе Лучинского вновь стали неотвязными. Карпов решил воспользоваться проверенным способом и вытеснить их работой. Он сел за стол, включил компьютер и вставил в него переданную Сергеевым флеш-карту. Что там говорит Британская энциклопедия насчет рулетки?

Глава тринадцатая

2 июля

17.10

Сергеев долго не откладывал последнюю страницу. Геннадий Иванович предположил, что первого читателя завершённого им вчера рассказа впечатлил неожиданный сюжетный поворот в конце, и теперь он мысленно раскручивал историю назад, пытаясь понять, в какой момент мог догадаться, в чем дело. Но Карпов ошибся. Сергеев размышлял не о нюансах сюжета. Олег Михайлович был озадачен, если не сказать растерян. И потому пытался выиграть время, чтобы разобраться с мыслями. Ему давненько не приходилось попадать в такие ситуации. Даже во время недавнего кризиса с Лучинским ничего подобного не случилось. Правда, тогда пришлось лишь заменить один план действий на другой. Теперь же... Сергеев не очень понимал, как ему поступить дальше.

Рассказ Карпова оказался хорош. Очень хорош. Олег Михайлович не ожидал этого и, надо честно признать, не хотел. Такой рассказ, конечно, опубликуют. Значит, все? Скоро в этой истории будет поставлена точка? Но разве подобный вариант развития событий исключался с самого начала, хотя и представлялся маловероятным? И почему он привел его в смятение? Во-первых, публикация вовсе не гарантирована. Рассказ, как показывает практика, может просто кануть в Лету на заваленном бумагами редакторском столе. А если он даже пройдет рецензента... Карпов уже сполна наказан. Хотя сполна ли? Отсутствие ответа на этот вопрос являлось одной из причин пристального внимания Сергеева к последней странице. Но была и другая.

На свете мало людей, способных признаться в том, что ими управляет банальная зависть к чужим успехам. Олег Михайлович, хоть и был сильной личностью, не относился к их числу. Потому говорил себе: причина в ином, просто должна восторжествовать справедливость. А он должен обеспечить ее торжество. В этом не было лжи, хотя и присутствовало небольшое лукавство. Сергеев не мог не чувствовать его привкус, и потому наполнялся раздражением. Он еще не знал, как ему следует поступить, но уже догадывался, как поступит.

– Что скажете? – не вытерпел Карпов.

«Последняя ставка» далась ему нелегко. Почти неделя ушла на создание сюжета. Пере-сказывать оригинальную историю действительно не имело ни смысла, ни возможности. Для этого ее следовало знать до последних нюансов. Положим, Геннадий Иванович мог выяснить их у Сергеева. Но зачем? Автор, если он не летописец, не должен быть рабом фактов. Он должен творить. Рожденные им герои тут же начинают жить своей жизнью. Отличной от настоящей, если даже она у них и была. В итоге Карпов придумал свою историю. Историю о любви, страсти и выборе, как и пожелал даритель идеи. Ее герой не был Кириллом Елисеевым, хотя в чем-то наверняка походил на него. Как – отдельными деталями биографии – и на Карпова. Геннадий Иванович сделал это сознательно. Всегда проще сопереживать самому себе. Звали героя Анри, и жил он в Швейцарии. Причем не только по причине верности Карпова псевдониму Кевин Стинг и однажды избранной стилистике. Согласно Британской энциклопедии, именно в Швейцарии находились лучшие казино, не имеющие ограничений по величине ставки. Геннадию Ивановичу требовалось именно такое – это подразумевал сюжет. Карпов настолько погрузился в тему, что теперь без труда сел бы за игровую стол хоть в Швейцарии, хоть где угодно. Были бы деньги. Хотя... Если бы у Геннадия Ивановича появились деньги – вряд ли он стал бы тратить их на рулетку. Тут они с Анри никак не сходились.

Приступив к работе, Карпов почти не отходил от компьютера. Он писал, переписывал, исправлял, выбрасывал написанное и начинал сначала, пока после очередной переделки не понял, что отныне каждый последующий вариант будет только хуже. Геннадий Иванович вер-

нулся к предыдущей версии, распечатал ее, в последний раз вычитал текст, поправил мелочи и, выведя рассказ на бумагу, запретил себе к нему прикасаться. Чтобы окончательно унять редакторский зуд, он снял трубку телефона и, дождавшись ответа, произнес всего два слова: «Рассказ готов».

Олег Михайлович появился через пару часов, словно только и ждал звонка. Когда он вошел в комнату, Карпов без лишних слов кивнул в сторону стола, на котором лежала рукопись. Сергеев прочел ее в один присест, не прерываясь, безо всяких комментариев. Лицо его при этом было абсолютно непроницаемым.

«С таким лицом хорошо играть в покер», – подумал Геннадий Иванович. Разбираясь с основами рулетки, он любопытства ради познакомился и с этой игрой...

Услышав вопрос, Сергеев положил рукопись на колени, откинулся на спинку стула и посмотрел на автора.

– Я наверняка напорол что-нибудь с правилами, так? – предположил Карпов.

– Насколько мне известно – нет. Но это неважно.

– Неважно? Почему?

Олег Михайлович мог соврать. Но он сказал правду. Почему нет? Ведь это ни к чему его не обязывало.

– Потому что вы написали отличный рассказ. Это намного важнее.

Фраза была произнесена привычно бесстрастным тоном, поэтому смысл ее не сразу дошел до Карпова. А откровенная похвала и вовсе застала врасплох.

– Вы не произнесли привычное «Хотя мое мнение вас вряд ли заинтересует», – сказал он, стараясь скрыть смущение.

И услышал совсем неожиданный ответ.

– Я вам сочувствую.

– Сочувствуете? Почему?

– Нет ничего хуже, чем хорошо сделать дело, а потом ждать результата, сознавая, что более от тебя ничего не зависит.

Сергеев принял решение, как ему поступить. Раздражение начало уходить. Он умел управлять эмоциями, подчинять их себе.

– Лучинский как-то сказал: «Наплюйте на мнение профессионалов. Если помимо ваших родственников найдутся другие люди, которым нравится то, что вы написали, – жизнь удалась», – вспомнил Карпов. – Возможно, он прав, но я пока этого не ощущаю. Глупо спрашивать, и все же. Ответов из редакций, конечно, нет?

– Пока нет. Но прошло мало времени. Ваши жернова мелют медленно.

«Времени, конечно, прошло мало, – подумал Карпов. – Но если бы кого-то из редакторов заинтересовал необычный псевдоним... Если бы кто-нибудь любопытства ради просмотрел рукопись хотя бы по диагонали... Тогда и этого времени было бы вполне достаточно».

Олег Михайлович положил рассказ в кейс и встал.

– Прошу извинить, у меня много дел.

У него действительно было много дел, но большинство из них в этот день пришлось отменить.

Глава четырнадцатая

9 июля

16.15

Последующие дни были для Карпова тягучи и однообразны, хотя и необычны. После 23 мая все его время поначалу поглощали переживания, вынужденное общение и работа. С переездом из особняка он лишился общения. После окончания «Последней ставки» завершилась работа. Остались только переживания, но и они давно не были столь острыми, как поначалу. Даже самые сильные чувства со временем притупляются. Вскоре Геннадий Иванович уже не знал, куда себя деть, и от скуки включил телевизор, возвращенный ему вечером того дня, когда Сергеев забрал рукопись «Ставки». Это не сильно помогло. Добросовестно попробовав смотреть бесконечные шоу и сериалы, однообразные новости и наполненные фальшивой веселостью концерты, Карпов почти физически почувствовал, как у него отрастает хвост. Положение несколько спасал канал «Культура», но и его программы вскоре стали не столько носителем информации, сколько звуковым фоном, помогавшим создавать иллюзию жизни. Незаметно для себя Геннадий Иванович перестал чистить зубы. Случайно осознав это посреди дня, он решил тут же исправиться и пошел в ванную, но тюбик с зубной пастой куда-то запропастился. Порывшись в кладовке, Карпов вместо зубной пасты обнаружил початую бутылку дорогого французского коньяка. Подобные бутылки он раньше видел только в кино. Конечно, они попадались ему в супермаркетах, но глаз редко фиксирует предметы из параллельного мира.

Геннадий Иванович повертел бутылку в руках. Его отношения со спиртным не были тесными. Хорошенько напиваться Карпову доводилось не более двух-трех раз в жизни, и эти события не оставили приятных воспоминаний. В компаниях Геннадий Иванович не отказывался от рюмки, но рюмкой-другой обычно и ограничивался. И уж точно никогда не пил в одиночку.

Карпов приготовил закуску, которая, по его представлениям, приличествовала столь благородному напитку. Первую рюмку Геннадий Иванович выцедил медленно, зажевав ломтиком какого-то сыра. Ощущения понравились. Он налил вторую...

17.30

Кабинет Сергеева не позволял однозначно определить род занятий хозяина. Разве что статус. Впрочем, насчет него тоже оставались вопросы. Мебель – стол, стулья, массивные шкафы темного дерева вдоль стен, журнальный столик возле дивана – была хоть и дорогой, но стандартной, явно не претендуя на эксклюзив. А кожаный диван явно относился к категории долгожителей. Поди пойми: то ли владелец кабинета не придавал особого значения интерьеру, то ли его возможности не позволяли большего? Размер комнаты склонял к первому варианту, но в остальном кабинет надежно хранил доверенные секреты. Глухие шкафы, лишенные стеклянных створок, не позволяли бросить взгляд на их содержимое. На журнальном столике лежала стопка свежих газет, но и они не давали никакой зацепки, слишком широк был набор – от «Ведомостей» до «Комсомольской правды». Девственно чистые стены несли на себе лишь портрет Первого лица, что опять-таки ни о чем не говорило. Портрет мог быть как отражением пристрастий хозяина кабинета, так и признаком его принадлежности к официальной организации. Единственной деталью, говорившей в пользу того, что кабинетом владеет конкретная личность, была фотография в рамке на столе. Геннадий Иванович Карпов легко узнал бы в изображенном на ней человеке Михаила Петровича Сергеева. Других «улик» стол не представлял. Кроме фото на нем примостились монитор, клавиатура компьютера, два телефонных аппарата и стандартный набор канцелярских принадлежностей. На углу столешницы громоздились набитые документами папки. Одна из них – сейчас пустая – лежала раскрытой в центре стола. Ее содержимое перекочевало в руки Сергеева, сидевшего на диване.

Олег Михайлович, обладая великолепной зрительной памятью, редко пересматривал служебные бумаги. Обычно ему достаточно было бегло пробежаться по ним глазами, чтобы запомнить содержание раз и навсегда. Примерно так же Сергеев поступал с художественной литературой. К любимым книгам обычно возвращаются для того, чтобы заставить вновь зазвучать однажды затронутые душевные струны. Но Олег Михайлович редко нуждался в эмоциональной подпитке. Тем удивительней было его нынешнее занятие – Сергеев перечитывал последний рассказ Карпова, пытаясь понять, чем же он так зацепил его при первом прочтении. И втайне надеялся обнаружить, что, лишенный свежести восприятия, рассказ не так уж и хорош. Но надежда не оправдалась.

Селектор на столе ожил и проговорил приятным женским голосом:

– К вам госпожа Елисеева.

Олег Михайлович быстро сунул листы с «Последней ставкой» в пачку газет на столе, аккуратно подравняв края. Если он хотел таким образом скрыть рассказ от посторонних глаз, то сделал это вовремя. Не успел он толком встать с дивана, как в кабинет вошла Кристина.

– Чувствую, скоро доклады о твоём появлении потеряют всякий смысл. – Сергеев приобнял гостью, поцеловав ее в щеку. – Располагайся.

Кристина села на диван. Хозяин кабинета опустился рядом.

– Выглядишь замечательно. Похоже, ты, наконец, успокоилась.

– Более-менее.

– Давно пора было. Я ведь предупреждал – тебе ничего не грозит. Живи обычной жизнью.

– После того, что случилось?

– Ничего не случилось.

– Я так не считаю. Мы не собирались никого убивать.

– Господи, ты опять? Мы никого не убивали. Лучинский сам полез в окно с похмелья.

Ты что, мне не веришь?

– После того как мы его до смерти напугали.

– Крис... – Сергеев взял ее за руку.

Кристина выдернула ладонь и вскочила с дивана.

– Не надо меня успокаивать! Я уже научилась с этим жить. Просто меня бесит, когда ты говоришь, что ничего не случилось.

– Не буду. Если хочешь, могу еще раз извиниться. Не стоило вовлекать тебя в это дело.

– Перестань. Я не ребенок. – Кристина подошла к столу и посмотрела на фотографию. – После того, что произошло, как я могла остаться в стороне и не помочь? Тем более, ты уверял, мы их только хорошенько напугаем. Кстати, как дела у Карпова?

Олег погрозил ей пальцем.

– Кристина, мы договорились – я заканчиваю эту историю сам.

– Но еще мы договаривались, что ты будешь держать меня в курсе. Так как он?

– Последний рассказ написан. Ждем результат.

– Рассказ хороший?

Сергеев помолчал, но все же ответил:

– Очень.

– Даже очень? Тогда, может быть...

– Кристина! – В голосе Олега Михайловича впервые проклюнулись жесткие нотки.

– Ладно, не заводись. Прочешь дашь?

– Зачем? – Сергеев быстро сообразил, насколько странно выглядит его вопрос, и добавил: – Да и как? Рукопись в редакции.

Знакомить Кристину с рассказом вовсе не входило в его планы. Рассказывая Карпову историю Кирилла, Олег не предполагал, что она может стать публичной, поскольку считал шансы литератора напечататься на предложенных условиях ничтожными. Он хотел лишь

посмотреть, как тот справится с заданием. А также получить еще кое-какие ответы. Ничего не скажешь, посмотрел.

Очень вовремя в кабинет заглянула секретарша.

– Олег Михайлович, звонит господин Кораблев. Переключить?

– Не надо. – Сергеев встал. – Я поговорю из приемной. Подожди, это буквально на минуту, – сказал он Кристине, покидая кабинет.

Минутой дело не ограничилось. Заскучав, Кристина открыла сумочку, достала зеркальце и придирчиво осмотрела себя. Ей было тридцать три, но выглядела она всегда минимум на пять лет моложе. Женщине в отражении было именно тридцать три. Никак не меньше. События последнего времени не прошли даром.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, Кристина начала перебирать газеты на журнальном столике. Между ними обнаружили бумаги с печатным текстом. На глаза случайно попало слово «рулетка». Кристина взяла лист в руки и пробежала его глазами, потом искала начальную страницу. Там значилось: «Кевин Стинг. “Последняя ставка”. Посвящается Кириллу Елисееву».

– Вот это уже интересно...

Кристина взглянула на дверь, собрала все страницы вместе, сложила пополам и записнула в сумочку. Она только-только успела вернуть газеты на место, когда вошел Олег.

– Извини, был важный звонок... – начал он, но Кристина уже шла навстречу.

– У меня тоже. Можешь не провожать. Созвонимся.

Чмокнув Сергеева на ходу, она вышла из кабинета.

Олег Михайлович в который раз подумал, как сглупил, поручив Кристине надзор за литераторами. Но что сделано, то сделано. Нечего больше об этом думать. Он привычно подавил нежелательные эмоции и вернулся к делам.

18.20

Когда в череде рабочей текучки возникла очередная пауза, Олег Михайлович вдруг вспомнил об оставленной рукописи. Он подошел к журнальному столику, сдвинул газеты, но, против ожидания, ничего не обнаружил. Сергеев разворошил пачку – с тем же результатом. Рукопись не нашлась.

– Что за хрень? – удивился Олег Михайлович.

На всякий случай он заглянул под диван, хотя это было совершенно излишним – ведь газеты лежали на прежнем месте и к ним явно никто не прикасался...

– Кристина! – воскликнул Сергеев, резко выпрямляясь. – Ну конечно! Твою мать!

Он бросился к столу, схватил телефон и принялся набирать номер.

18.50

Примерно через полчаса после этих событий Кристина вошла в ворота дома, с которым у Геннадия Ивановича Карпова были связаны не самые лучшие воспоминания. Окажись он здесь сейчас, очень удивился бы, обнаружив на кирпичном столбе рядом с калиткой номер 25, а вовсе не 10. Еще больше удивился бы Геннадий Иванович, узнай он, что никакого ЖК «Оазис» в Жуковке отродясь не существовало, а посему, удачен или неудачен был его бросок через соседский забор – не имело никакого значения. Крепко разозлился бы Карпов, почувствовав себя одураченным. Но Геннадий Иванович ничего этого не знал. В данную минуту он спал тяжелым пьяным сном, не рассчитав с непривычки дозу спиртного. Зато другой донельзя разозленный человек как раз сейчас входил в ворота коттеджа в Жуковке. Этим человеком была Кристина.

Она не стала читать рассказ в машине, боясь, что Олег выскочит на улицу следом. К разговору с ним она пока не была готова. Останавливаться по дороге – и вовсе глупо. Кристина

дотерпела до дома, а поскольку путь до Жуковки – неблизкий, за это время она изрядно себя распалила.

Несмотря на то, что ей ужасно хотелось есть, Кристина отложила ужин.

– Меня ни для кого нет. Включая Олега Михайловича. Особенно его, – предупредила она сторожа у ворот.

«С Олега станет сюда примчаться. Таких вещей он не прощает».

Кристина наспех привела себя в порядок, сделала пару бутербродов и, расположившись на диване в гостиной, достала из сумочки рукопись.

Первый бутерброд она съела, читая первую страницу. Второй так и лежал на тарелке, когда рассказ был прочитан до конца. Кристина даже забыла, что хотела есть. Отложив от себя рукопись, она сидела в полном оцепенении.

«Как Карпов узнал? Впрочем, глупый вопрос. Конечно, от Олега. Зачем тому это понадобилось – другой вопрос. Но почему он ничего не сказал мне? И почему скрыл рассказ, хотя сохранил копию? Кстати, опять-таки, зачем? И если Олег утаил от меня это, то чего я не знаю еще? На этот раз ему придется ответить. Но не сейчас. Сейчас мы много чего наговорим друг другу...»

Кристина оживила телефон, предусмотрительно выключенный еще в машине. Так и есть. Пять пропущенных вызовов. Она вновь нажала на кнопку, заставив аппарат умереть, и снова взяла листы в руки.

20.10

Сергеев с визгом припарковал «лексус» прямо напротив ворот и дал сигнал. Но ворота не открылись. Ни, как обычно, сразу, ни через какое-то время. Олег Михайлович нажал на клаксон еще раз. Да так, что соседи в близлежащих домах наверняка поморщились. Но это вновь не возымело эффекта.

Сергеев выскочил из машины, подошел к калитке и забарабанил в дверь.

С той стороны сразу ответил испуганный голос:

– Извините, мне не велели открывать.

– Идиот! – рявкнул Сергеев. – Посмотри в глазок! Видишь, кто здесь?!

– Олег Михайлович, – голос отвечающего был близок к панике, – я вижу. Но вам тоже не велели.

– Мне?! Не велели? А если я сейчас ворота выбью?

– Выбивайте, – согласился охранник. – Вам ничего не будет. А меня сразу на выход без рекомендации.

Сергеев с досадой плюнул под ноги, немного постоял и вернулся в машину. На всякий случай он дал новый сигнал – вдруг боец у ворот все же сломается? Но тот оказался стойким.

Глава пятнадцатая

10 июля

10.40

Карпов стоял в ванной, опираясь на раковину, и смотрел на отражение в зеркале. Увиденное ему решительно не нравилось. Голова болела ужасно. Можно было подумать, что вчера он выпил не несколько рюмок (кстати, сколько именно?), а целую бутылку. Воспоминание заставило Геннадия Ивановича судорожно сглотнуть. Неприятный ком подкатился к горлу.

«Ну и зачем было это делать?» – подумал он.

Вернее, попытался подумать, поскольку мозг решительно отказывался работать, если не считать работой головную боль...

Найденный в аптечке аспирин вскоре помог Карпову почувствовать себя сносно. Он тут же решил: дальше так продолжать нельзя. Это плохо кончится. Нужно что-то делать, а не просто тупо ждать результата. Вопрос – что? Геннадий Иванович подумал о «Герое». Может, начать? Почему нет? Сколько можно откладывать? Сомневаться, готов ли ты к большой работе... В конце концов, к написанию остросюжетных рассказов он точно не готовился, но когда приперло...

Немного посидев, Карпов подошел к столу и включил компьютер. Голова, заподозрив, что ее сейчас заставят трудиться, испуганно заныла, но Геннадий Иванович предпочел этого не заметить.

«Если я чего решил, то выпью обязательно», – вспомнил он Высоцкого. Слово «выпью» пришлось некстати. Карпов облизал губы. Но он был упрямым человеком. Опустившись на стул, Геннадий Иванович подождал, пока закончится загрузка.

С чего начинать? Составить план или просто начать писать, а там уж куда кривая вывезет? Упоминание о «кривой» Карпову не понравилось. Дело всей жизни идти по кривой не имело права.

Геннадий Иванович начал с того, что изготовил титульный лист. Вверху в правом углу он поставил «Геннадий Карпов», а посередине красивым крупным шрифтом набрал название: «ГЕРОЙ ПАВШЕГО ВРЕМЕНИ». Чуть ниже названия он добавил слово «роман». Внизу страницы набил «Москва» и заколебался. Под городом следовало указать год, но это ведь должен быть год окончания работы над романом, а кто знает, в каком году он сможет его закончить? Подумав, Карпов поставил в этом месте вопросительный знак, но тут же стер. Вопросительный знак намекал на то, что роман может вообще не быть окончен. Лучше пока обойтись без даты. Геннадий Иванович погонял текст по полю, добиваясь эстетической завершенности. Вскоре к титульному листу не смог бы придаться самый придирчивый дизайнер. Начало положено. Теперь можно приступать...

Над первой фразой Карпов долго не задумывался. Ее он сочинил давно. Даже не фразу, а целый абзац:

«Максим стоял на перроне. Люди обтекали его со всех сторон. Некоторые недовольно оборачивались на некстати возникшую преграду. Но Максим не обращал на них внимания. Он понимал, что первый шаг будет очень важен. Ведь это шаг к новой жизни. Шаг, который окончательно зачеркнет все, что осталось позади».

До сих пор эти слова существовали только в сознании Геннадия Ивановича. Теперь он овеществил их. Это означало, что работа над романом действительно началась.

11.30

Когда днем ранее Олег Михайлович Сергеев произносил фразу «Чувствую, скоро доклады о твоём появлении потеряют всякий смысл», он и не предполагал, как быстро она станет пророческой.

Кристина вошла (можно даже сказать ворвалась) в его кабинет прямо по ходу совещания и остановилась посредине, выжидая.

Выступавший в этот момент мужчина оборвал речь на полуслове и недоуменно посмотрел сначала на нее, а потом на Сергеева.

– Перерыв двадцать минут, – произнес Олег Михайлович.

Участники совещания быстро покинули кабинет.

От вчерашней ярости Сергеева к утру остались лишь воспоминания. Весь вечер после возвращения из Жуковки он провел в раздумьях. Выводы последовали неутешительные. История зашла слишком далеко и стала развиваться непредсказуемо. А самое главное, она как-то незаметно заставила его делать совершенно несвойственные вещи. Олег Михайлович редко врал. В подавляющем большинстве случаев это глупо и непродуктивно. Но вчера он соврал далеко не безразличной ему Кристине, и теперь непонятно, к чему это приведет. Было и еще кое-что, куда более существенное. По роду своей деятельности Сергееву не раз доводилось вершить чужие судьбы, принимать жесткие решения. Он тщательно следил за тем, чтобы эти решения всегда были честными. Олег Михайлович не подменял судьбу. Лишь выполнял ее волю и никогда не шел наперекор. Но неделю назад он грубо нарушил это правило. Причины не имеют значения, важен сам факт. Признав это, минувшим вечером Сергеев принял решение отпустить Карпова. Рассуждая взвешенно, он понимал: первоначально поставленные цели достигнуты, поэтому, закрывая дело на новых условиях, он не должен чувствовать себя проигравшим. Литератор отправился бы домой сегодня же, если бы Олег начал разговор первым, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.